

Татьяна ФЕДОРОВА,
заместитель начальника
Московского «МЕТРОСТРОЯ»

ЖЕНЩИНЫ СТРАНЫ МЕТРОПОЛИТАНИЯ

Шестьдесят семь станций на Московском метрополитене. Есть среди них знаменитые — отделанные редким мрамором, прославленные оригинальностью своей конструкции. Но если бы кто-нибудь спросил меня, какую из них я люблю больше всех, я бы, не задумываясь, назвала самую, пожалуй, невидную — «Калининскую».

Потому что это станция моей комсомольской юности. Сюда, на стройку первых станций, пришли мы, посланцы московских фабрик и заводов. Распевали, как частушки, стихи Маяковского «Немножко утопии про то, как пойдет метрострой»:

Что такое?
Елки-палки!
По Москве —
землечерпалки.
Это
улиц потроха
вырывает МКХ...
Я
полезу
с Танею
в метрополитанию...

Спорили, добивались, чтоб девушек ставили в забой наравне с парнями. Осваивали новые профессии, создавали женские бригады.

«Метростроевка» — этим словом называли тогда свои картины художники и стихи поэты. Это было не просто обозначение профессии, как ткачиха или бухгалтер, это было целое понятие, за ним вставало время, оно звучало так же, как сейчас звучит «целинница» или «строительница Братска».

Однажды мы с девочками написали на листочке имена и фамилии всех членов бригады, положили листок в коробочку из-под монпансье и забетонировали ее в стену тоннеля. Думали: кто знает, может, когда-нибудь будут здесь какие-то работы вести, найдут нашу коробочку и вспомнят тех, кто начинал.

Сейчас от станции «Калининская» строится подземный переход к Кремлевскому Дворцу съездов. Станцию, как говорим мы, строители, «раскрывают», то есть делают новый вход в ее подземный

зал. И когда я прихожу на эту стройку (а бывать там приходится каждый день: сложный участок), сразу вспоминаю про нашу коробочку. Вдруг найдут и прочтут эту «весточку с первой очереди»?

Первая очередь... Тем, для кого метро только средство передвижения, может, ничего и не скажут эти слова. Но для первых метростроителей в них — целая поэма.

Как-то поздно вечером я наблюдала, как несколько молодых негров, наверное, студенты, медленно шли по станции «Площадь Революции». Возможно, они были здесь в первый раз или раньше в неиссякающем многолюдье не успели разглядеть скульптуры.

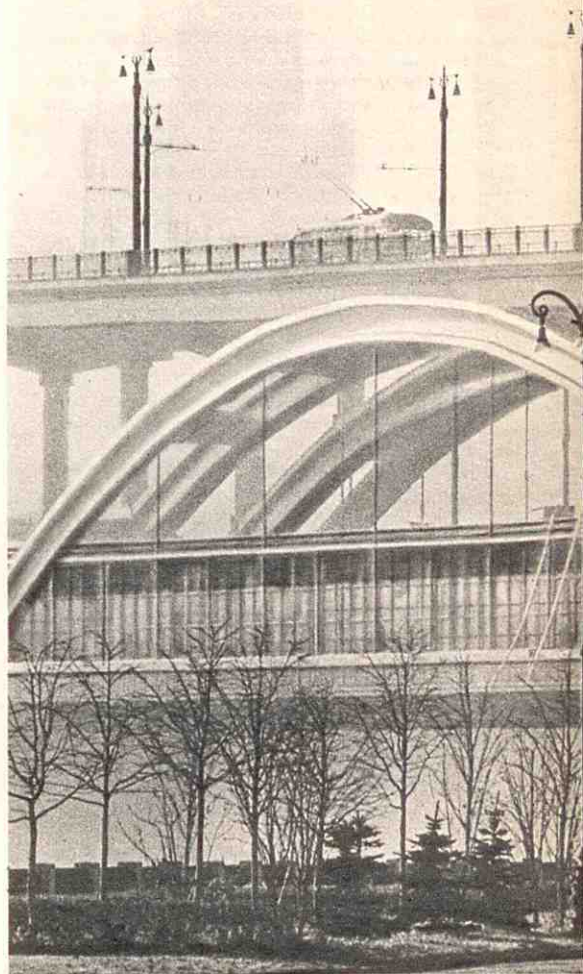
...Матрос, перепоясанный пулеметными лентами, красногвардеец с винтовкой — это с них начиналось все: и Революция, и площади ее имени в городах и в метро, и стройки для народа. А вот современники тех, кто строил эту станцию в тридцатые годы: рабфаковка в спортивных тапочках, склонившаяся над книгой, шахтер с врубкой, мальчишки с неуклюжими большекрылыми моделями первых самолетов, девочки, разглядывающие на глобусе какую-то страну в Африке, быть может, ту самую, из которой приехали эти негры.

Много лет прошло с тех пор, как построили станцию «Площадь Революции». Много изменилось в жизни тех, с кого лепились эти портреты: шахтер сменил врубку на комбайн, мальчишки стали авиаконструкторами, строят реактивные самолеты и космические корабли, а девочки выросли, и уже одна из них увидела земной шар с космической высоты.

Но неизменным осталось главное — та же озаренность лиц, словно лежит на них отсвет пламени революции.

И традиции, которые основали первые метростроители: смело братья за новую технику, работать так, чтоб буква «М» была гарантией высокого качества, — живут, развиваются, крепнут.

Слово «метростроевка» родилось вместе со словом «метростроитель» и с тех пор целых тридцать лет так и шагало рядом с ним дружно, в ногу, не отста-

Станция Московского метро «Ленинские горы».

Фото Н. МАТОРИНА.

вая ни на шаг. И в этом тоже одна из лучших традиций метростроителей — учить, выдвигать женщин, помогать им.

На каждой из шестидесяти семи станций Московского метро можно было бы рассказывать о женщинах, принимавших участие в их строительстве, — проходчицах и мотористках, чеканщицах и архитекторах.

Но я расскажу всего о пяти судьбах, а за ними встанет целая страна — метрополитания, ее прошлое, ее разбег вперед, ее будущее.

Ольга Григорьевна Кузьмина (раньше

ее фамилия была Помялова) на строительстве первой очереди была бригадиром землекопов. За ударную работу на строительстве метро ее и наградили орденом Ленина.

Сейчас Кузьмина — старший инженер Главного управления по строительству тоннелей и метрополитенов Государственного производственного комитета по транспортному строительству Союза ССР. И ведаёт инженер Кузьмина как раз вопросами внедрения новой техники. Она могла бы рассказать о том, как изменилась техника, методы стройки за то время, пока метростроевцы прокладывали под Москвой путь в сто километров, как вырос опыт строителей.

«Механизировать доставку крепежного леса», «Укладка катальных досок для тачек», «Тачки должны быть одинаковые». Такие проблемы обсуждались на страницах журнала «Метрострой» в дни строительства первой очереди. Не удивительно, что первую очередь строили почти 60 тысяч человек, а сейчас метростроевцев всего около 14 тысяч, хотя работы у них стало больше. Когда-то к названию каждого процесса добавлялось слово «ручной» — ручная проходка, ручная откатка, а теперь добавляется совсем другое слово — «механизированный»: механизированная щитовая проходка, механизированная укладка пути, механизированная изоляция. Это слово написано на каждой из папок, которые лежат на столе инженера по новой технике. Мировой рекорд проходки тоннелей — 400 метров в месяц — принадлежит московским метростроевцам.

Но метростроевцы не хоронят свой опыт под землей, не зарывают свои «секреты». Широкою, прочно опершуюся на обе ноги букву «М» знают не только москвичи. И московские метростроевцы помогают строить метро в Ленинграде, Киеве, Баку и Тбилиси. Вы увидите метростроевское «М» над железнодорожными тоннелями в горах Кавказа и Алтая, над гидротехническими тоннелями для оросительных систем в Сальских степях. В инженерных расчетах многих из этих тоннелей принимала участие Антонина Николаевна Пирожкова, главный конструктор десятка станций Московского метрополитена.

Конструктор станции — иным это звание покажется непривычным. Конструктор может быть у самолета, у атомхода, а у станции метро? Но дело в том, что стройка под землей — это особая стройка. Именно конструктор должен выбрать форму станции, которая единственно возможна для данных геологических условий. Весь облик ее, пропорции и объем, опоры и «воздух» пролетов зависят от конструктора, поэтому при создании станций метро центральная фигура — конструктор, так же как при строительстве самолетов и пароходов.

Широкие пролеты «Маяковской» и «Павелецкой», монументальное спокойствие «Лермонтовской» и кажущаяся легкость колонн «Киевской» — все это рассчитано, выверено, придумано и продумано Пирожковой. Сейчас Антонина Николаевна — доцент Московского института инженеров транспорта, автор первого советского учебника о метрополитенах.

На Западе о красоте, архитектуре станций заботятся очень мало, станции завешаны рекламами торговых фирм, грязны, плохо освещены. На Московском

метро у каждой станции свой облик, своя цветотвая гамма, своя «примета», своя характерная «изюминка».

И когда вы проезжаете серебристые, словно замидевелые, «Сокольники» или зеленую, как весенний лес, «Щелковскую», или перед вами бежит клеточками орнамента пол «Белорусской-кольцевой», — знайте, что это архитектор Надежда Александровна Быкова придумала эти станции такими. Она ездила на завод, выбирала цвет мрамора, спорила из-за оттенков, ругалась со строителями из-за каждого недостаточно хорошо сделанного шва, все замечал ее пристальный «авторский надзор».

Евгений САВИНОВ

Имена

Грохочет Ледовитый океан,
В крошечной тьме ни огонька, ни меты...
Какой мечтатель из далеких стран
Назвал здесь остров именем

Жанетты?

Здесь круглый год клокочет белый дым,
Скрипит ледник и никогда не тает —
Необитаем остров, нелюдим,
Но чье-то сердце вечно обитает.

И мореход российский не молчал, —
К Таймыру проторив пути морские,
Встал по-хозяйски в бухте на причал
И бухте имя дал жены Марии.

Любовь такую время не сотрет,
Коль существует в снежной карусели
Земля норвежской королевы Мод
И неизвестной девушки Адели.

Он о себе, искатель, забывал,
Но нежности ни капли не растратил
И мужества бессонного накал
Оставил женским именем на карте.

Но женщины — такие времена! —
Глядят на нас лукавыми глазами:
Они свои сегодня имена
На эту карту вписывают сами.

Простотой и выразительностью отличаются последние станции, в проектировании которых она участвовала, — «Проспект Вернадского» и «Щелковская».

«Метрогипротранс» богат женщинами-архитекторами и конструкторами. Зоя Федоровна Абрамова, Анна Андреевна Марова, Янина Викентьевна Татаржинская, Любовь Александровна Шагурина участвовали в проектировании многих станций метро.

До сих пор я говорила о женщинах старшего поколения, о тех, кто тридцать, двадцать лет «метростроевски», от первых станций до сегодняшних. Ну, а смена? Сейчас, оберегая здоровье будущих матерей, женщины вывели из шахт и тоннелей, перевели на другие участки. Но это вовсе не значит, что исчезло овеянное романтикой слово «метростроевка». Нет, просто изменилось его содержание, по-прежнему на метрострое —

сотни женщин, только работа у них другая. Это инженеры, штукатуры, маляры и отделочники.

Ольга Кабанова, закончив вечерний техникум, стала маркшейдером, штукатурманом, прокладывающим новые трассы.

Маша Овчаренко, бывшая протирщица мрамора, постепенно научилась управлять всеми механизмами на метрострое — от электровоза до тюбингоукладчика. Сейчас она руководит работой отряда механизаторов и заканчивает 4-й курс вечернего техникума.

Елена Максимовна Сеславинская, портрет которой вы видите на обложке этого номера журнала, — главный инженер управления отделочных работ. Ей 30 лет, семь из них она на метрострое. Была мастером, прорабом, начальником участка.

Кажется, он набит, наполнен до отказа, рабочий день главного инженера — в полвосьмого надо успеть на строительство дома (ведь «Метрострой» отделяет и дома), потом — на Горьковский радиус, на строящиеся станции — «Войковскую», «Водный стадион», «Речной вокзал». До пуска этих станций остались считанные недели, надо проверить качество отделки, поговорить с бригадирами, прорабами — все ли у них в порядке, встретиться со смежниками-путейцами — поторопить, чтоб освобождали фронт работы, увидиться с архитекторами — посоветоваться по рисунку полов.

Только вечером главный инженер приезжает в управление — дать задание снабженцам, посмотреть чертежи, образцы плиток, уточнить планы. А когда в соседних комнатах управления уже пусто, в кабинете с надписью «Главный инженер» заходят и заходят женщины. Но идут вовсе не к инженеру, они идут к председателю женского совета управления Елене Сеславинской. Дела у них совсем не технические. Чтобы их решить, надо быть скорее инженером человеческих душ, чем инженером метро.

— Мой-то, — женщина в платочке говорит печально, — гуляет, видно, деньг не все приносит, поговорите уж вы с ним, он вас уважает, знаю.

И на календаре появляется рядом со словом «вitraжи» и «100 метров гранита»: «Петрович, поговорить...». А дома главного инженера ждет четырехлетний сын и обычные домашние дела. Наверное, это и есть сочетание счастливого материнства и творческого труда, которое делает жизнь захватывающе интересной и полной.

Сегодня метро строится не только в Москве, но и в Ленинграде и в Киеве, в Тбилиси и в Баку. И всюду так же активно, как в Москве, в его строительстве участвуют женщины. С метростроевками других городов у нас большая дружба. В прошлом году мы приглашали многих из них к нам в гости на празднование 8 Марта. Памятная это была встреча. Рассказывали друг другу об опыте, осматривали новые станции, обсуждали, делились планами на будущее.

Будущее у метростроевок заманчивое и интересное. Ведь на метро не бывает конечных станций. Сегодня она вроде бы и последняя на этом радиусе, а завтра дальше разрастается жилой район, и от прежде последней станции тянется продолжение пути.

Живет овеянное романтикой первых пятилеток слово «метростроевка», его путь продолжается.

М

Инженеры и архитекторы проектного института «Метрогипротранс» обсуждают, какими будут новые станции метро. Слева направо: Н. Шмитова, О. Рудник, Л. Шагурина, Н. Козлова, Л. Алексеева, Н. Самойлова.

Ольга Кузьмина — старший инженер по новой технике. А снимок справа сделан 30 лет назад. На нем одна из лучших бригад строителей первой очереди метро. Сидит вторая справа — бригадир Ольга Помялова (ныне Кузьмина).

Штурман подземных трасс — маркшейдер Ольга Кабанова.

Фото С. ФИРСОВА.

БРИГАДА ПОМЯЛОВОЙ ИЗОЛИРОВЩИЦ

ДВА НОВОГОДНИХ

Евг. МАР

Последний день года

В Ростокине, которое раньше считалось пригородом Москвы и входило даже в состав Московского уезда, не в обычае было ни провожать старый, ни встречать Новый год.

Хозяин здешней красильно-отделочной фабрики Ферман не принимал на работу семейных. Детей, кроме как у приближенных к хозяину служащих, в Ростокине вовсе не было.

Значит, не было и новогодних елок. Только в окнах одного-единственного дома — хозяйского особняка — под Новый год раздавалась музыка. Жена хозяина играла на старинном клавесине. А по паркету мерно двигались пары танцующих.

Временами Ферман открывал балконную дверь — она не запиралась на зиму — и вместе с гостями выходил подышать морозным воздухом да заодно поглядеть на свой фабричный двор: все ли в порядке? А там помещались казармы, в которых жили рабочие. Ровно в десять фабричные ворота запирались на замок. Так было и в будни и в предновогодние вечера, которые ничем не отличались от будней.

Но канун нового, 1918 года запомнили рабочие Ростокинской красильно-отделочной фабрики.

Новую власть фабрикант отказался признавать. Как раз за несколько дней перед Новым годом хозяин распорядился

уволить рабочих и оставил лишь сторожей — верных слуг своих, которые и должны были охранять хозяйское добро.

Тогда рабочие решили взять фабрику в свои руки.

Но не знали, как это сделать, с чего начать.

Они избрали делегатов и послали их к Владимиру Ильичу за советом. Он был вместе с правительством еще в Петрограде, в Смольном.

Только что Ленин провел важное совещание с военными, очень устал, но все же принял ростокинцев.

Ленин долго не отпускал от себя москвичей.

— Есть ли у вас на первое время сырье? — озабоченно спросил Владимир Ильич у руководителя делегации Алексея Игнатова и был очень доволен, когда узнал, что сырья на фабрике на первое время хватает.

— А будут ли у вас заказы? Ведь фабрика отделочная.

Игнатов ответил, что многие ткацкие фабрики Москвы уже пущены рабочими в ход и вырабатывают ткань, но пока только суровую, некрашеную. Они ждут не дождутся, когда начнут ростокинцы. Некрашенная ткань сбыта не имеет. Есть большой заказ на изготовление бинтов и марли.

Почти пять лет небольшая комната с двумя окнами, выходящими на кремлевский двор, служила кабинетом Владимиру Ильичу Ленину.

Квартира его находилась рядом. От кабинета ее отделял только коридор. Владимир Ильич работал за простым дубовым письменным столом.

На зеленом сукне его — самое необходимое.

Тут и ножницы. Ими Владимир Ильич сам вскрывал конверты. Нож для разрезания книг. На лезвии надпись: «Товарищу Ленину. Оружейная фабрика. Златоуст». Перо Ленина, которое только сейчас, кажется, прислонилось к своей жесткой металлической подставке, чтобы отдохнуть.

Этим пером написаны многие декреты Советской власти, и статьи для газет, и книги.

Вот лампа с зеленым абажуром. Рядом, словно часовые, свечи в подсвечниках.

Позади стола шкафы с книгами. Книг более двух тысяч, напечатанных на многих языках мира.

Возле стола — этажерки-вертушки. Они сделаны по чертежам Владимира Ильича. Повернешь вертушку — и под рукой словарь, или другой справочник, или папка с необходимыми материалами, а не то отложенная еще вчера книга.

Много людей побывало в этой комнате. Посланцы заводов и фабрик, крестьянские ходоки, в самом деле пешком приходившие сюда к Ленину, в Кремль, из глухих деревень за много сотен верст от Москвы, и виднейшие ученые, послы иностранных держав. Можно сказать, что пути сюда вели буквально отовсюду.

Подойдешь к окнам кремлевского кабинета Ленина — и перед тобой Троицкая башня да зубцы высокой кремлевской стены. А Ленин видел отсюда всю нашу страну с ее необъятными просторами, больше — весь мир!

Вещи приходили в эту комнату одна за другой и заняли здесь свое место уже навсегда. Старинные часы с мелодичным боем. Портрет Карла Маркса, написанный петроградским рабочим с завода «Новый Леснер» Лотаревым и поставленный самим Владимиром Ильичем на диванную полку. Барельеф рабочего-революционера Степана Халтурина работы скульптора Иоганна Альтмана.

Тихо сейчас в кремлевском кабинете Ленина. Жизнь здесь как бы остановилась на том дне и часе, когда последний раз заглянул сюда Владимир Ильич.

Это было 12 декабря 1922 года. И стрелки часов, которые с той поры уже больше не ходят, показывают нам время — 8 часов 15 минут.

И календарь на столе, где все осталось так, как было при Ленине, раскрыт на старой, давно минувшей дате.

А что, если мы представим себе иные даты и иные часы?..

Увидим лампу на столе Ленина зажженной.

И его самого, работающего за своим столом, беседующего с делегатами заводов и фабрик или отправляющегося к рабочим на встречу Нового года.

Прочитайте же эти рассказы из новой книги писателя ЕВГЕНИЯ МАРЫ «В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА». Они позволяют восстановить далекое, но такое дорогое для нас всех прошлое. В основу рассказов легли воспоминания людей, знавших Владимира Ильича.

— Это очень важный, первоочередной заказ, — ответил Ленин. — В госпиталях, я знаю, не хватает бинтов. И это недопустимо. А люди, знающие люди у вас найдутся?

Игнатов тут же объяснил Ленину, что один из членов делегации — мастер-красильщик, другой — счетовод и берется наладить учет на фабрике.

— Это тоже хорошо. В народном хозяйстве надо взять на учет каждую нить, буквально каждую нить! Ну, а кого вы думаете назначить директором? — спросил Ленин. И, как показалось тогда Игнатову, с хитрецей поглядел на него.

— Мы порешили избрать Игнатова, — поспешно ответил кто-то из членов делегации. — Он у нас с первых дней верховодит, проверенный, большевик!

— А какая у вас специальность, товарищ Игнатов? — осведомился Владимир Ильич.

Он давно уже встал из-за стола и прохаживался по кабинету в раздумье. Теперь Владимир Ильич остановился возле Игнатова и еще раз внимательно посмотрел на него.

— В том-то и дело, что специальность невеликая: кочегар я, а другому не научен, — смущенно ответил Игнатов.

Ленин нагнулся к нему и сказал как бы по секрету, шепотом, однако так, чтобы все услышали:

ВЕЧЕРА

— Я, знаете, тоже никогда, поверьте, не был председателем Совета министров. А теперь у меня должность вроде такая же. И вот товарищ,— он показал на вошедшего в кабинет Николая Ильича Подвойского,— армиями никогда не командовал. Правда, не командовали, Николай Ильич? Вот видите, сам подтверждает. А теперь управляет, и, право, неплохо... Действуйте. Вы не последний кочегар, который станет директором. Рабочие вам помогут.— И Ленин кивнул товарищам Игнатову.— А национализацию фабрики оформим декретом, по всем правилам.

Воодушевленные приехали от Владимира Ильича ростокинцы. И случилось так, что как раз в канун нового, 1918 года кочегар Алексей Игнатов отстоял свою последнюю вахту. Он собственными руками растопил погашенную по приказу хозяина фабричную топку.

Вся небольшая тогда партийная ячейка ростокинцев пришла в эту предновогоднюю ночь к фабричной котельной, чтобы в случае чего с оружием в руках отстоять зажженный вопреки приказу хозяина огонь.

На другой день кочегар Алексей Игнатов, выбранный директором Ростокинской фабрики, вызвал в контору бывшего хозяина. Он предложил Ферману поступить на службу к своим рабочим. За ним останется квартира, ему положат жалованье как специалисту, пусть только трудится добросовестно. Но Ферман тут же в ярости бросил связку ключей на стол.

— Не буду я у вас служить! А дело все равно у вас не выйдет, господин кочегар! Это вам не лопатой ворочать,— бросил он Игнатову и ушел, с силой хлопнув дверь.

— Нет, выйдет! — крикнул ему вслед Игнатов.— И это не я говорю, это Ленин сказал, что выйдет.

Но бывший хозяин, верно, уже не услышал этих слов. Он бежал что есть силы по лестнице вниз, и ступени громыхали под его ногами.

Игнатов перевел дух и сел за стол. Надо было начинать работу...

Прошло всего три с небольшим месяца.

В марте 1918 года, вскоре после переезда Совета Народных Комиссаров в Москву, в кабинете директора Ростокинской фабрики Игнатов раздался телефонный звонок.

Игнатов взял трубку. Это звонили из Совета Народных Комиссаров по поручению товарища Ленина.

Владимир Ильич просил узнать, как идут дела у ростокинцев.

— Передайте Владимиру Ильичу, что дела идут. Все станки пущены в ход.

— Кто у телефона?

— Да Игнатов Алексей, директор фабрики. Да, тот самый...

Первый рабочий-директор долгие годы проработал на Ростокинской красильно-отделочной фабрике.

Он-то и рассказал о встрече ростокинцев с Владимиром Ильичем Лениным и об этом звонке из Кремля.

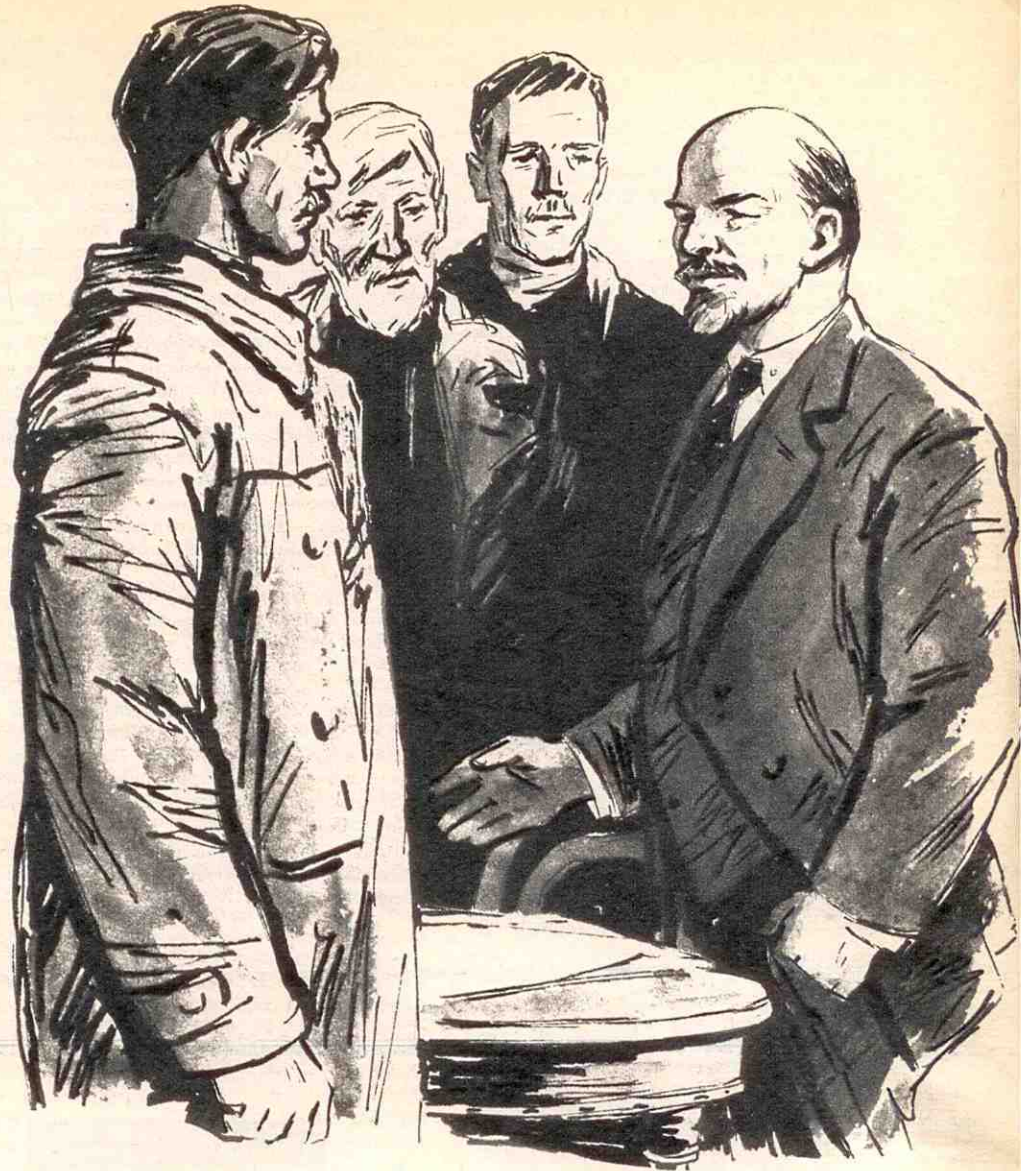

Рисунок Н. ГОРДЕИЧКА.

К стене старого фабричного корпуса Ростокинской фабрики много лет как прибита мраморная доска. И на ней золотыми буквами начертано:

«Декрет о национализации Ростокинской фабрики».

Внизу под декретом подпись:

«Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Подпись скопирована так точно, что кажется, сам Владимир Ильич расписался на камне.

Когда перечитываешь строки декрета, а затем обходишь корпуса знаменитого теперь на весь Союз предприятия, лишней раз убеждаешься в том, что Владимир Ильич был прав.

Можно с уверенностью сказать: вышло у ростокинцев дело, вышло!

Двенадцатый час

Это был необыкновенный двенадцатый час, самый последний в уходящем 1919 году.

Минутная стрелка на Кремлевских курантах сделала всего один шагок навстречу Новому году. Было начало двенадцатого, когда автомобиль с Лениным выезжал из Кремля.

Часовой у Троицких ворот взгляделся в запорошенное снегом ветровое стекло, убедился, что в автомобиле Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, и сказал шоферу Гилю:

— Можно ехать!

А сам сделал шаг в сторону.

И тут услышал:

— С наступающим вас Новым годом, товарищ курсант!

Это сказал Ленин.

— Спасибо! С наступающим, Владимир Ильич! — ответил часовой.

...Морозит. Дует злой декабрьский ветер.

В курсантском клубе уже играет духовой оркестр. Все свободные от караула товарищи скоро вместе встретят Но-

вый год, а часовой все шагает взад-вперед и глядит в оба.

«Куда это Ленин так поздно?» — думает он тревожно.

Не любили курсанты, когда Владимир Ильич покидал Кремль, беспокоились за него.

В машине, которая мчалась по предпраздничной Москве в сторону Басманной, царил между тем оживление. Владимир Ильич был в отличном настроении и все время шутил. Он еще утром сказал Надежде Константиновне:

— Давай, Надюша, поедем сегодня встречать Новый год к рабочим Басманного района. Сольц сказал мне на днях, что у них в помещении бывшей Хлебной биржи готовится новогодний вечер. Будет даже небольшой концерт. Выступит хор. Очень звал, между прочим. Но только я просил Сольца, чтобы ни гу-гу никому, чтобы никаких встреч!

Надежда Константиновна знала, что и в минуты отдыха Владимира Ильича тянет к рабочим. С ними он отдыхает душой.

И вот автомобиль подъезжает к бывшей Хлебной бирже. Это самый большой зал в районе.

Еще недавно в этом здании встречались и совершали свои сделки московские купцы — торговцы хлебом — и наживали миллионы на том, что было создано руками крестьян.

Там еще сохранились зеркала, ковры. — Замечательная судьба у этого дома, — заметил Владимир Ильич. — Теперь рабочие встречают здесь свой праздник. Год-то идет двадцатый. И время работает на нас, друзья!

Впереди, освещенное огнями, украшенное хвоей, уже сияло здание бывшей Хлебной биржи.

Слышна была музыка.

Ленина и его спутников никто не встретил. Сольц, добрый знакомый Владимира Ильича еще по подполью, в самом деле никому не сказал ни слова.

Они незаметно вошли в зал, уселись где-то в задних рядах и с удовольствием слушали, как выступает хор рабочих подростков Басманного района. Исполнялись «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу...» — песни революции, которые так любил Владимир Ильич.

Затем на сцену вышли участники живой картины «Интернационал». Рабочие Басманного района раздобыли костюмы разных народов. И на сцене, крепко взявшись за руки, стояли «негры», «индейцы» в ярких национальных одеждах, «французские крестьяне» в деревянных башмаках — сабо, «шотландцы» в своих юбочках, «английские горняки» в синих куртках.

И вдруг весть о том, что Ленин здесь, в зале, каким-то образом дошла до участников живой картины. Они повернулись в сторону, где сидел Владимир Ильич, и зааплодировали. И весь зал обернулся и приветствовал Ленина. А через несколько минут Владимир Ильич уже стоял на трибуне. Ленин поднял руку, призывая собравшихся к тишине, а затем произнес коротенькую новогоднюю речь.

Речь эта, к сожалению, осталась незаписанной, но еще живы те, кто слышал и запомнил ее.

— Благодаря победам Красной Армии большая часть трудностей позади, — сказал Ленин. — Впереди тоже война, но это будет война бескровная, война труда с экономической разрухой, и в этой войне мы обязательно победим.

Последние слова Ленина потонули в возгласах:

— Да здравствует революция! Да здравствует Советская власть! Да здравствует наш Ленин!

Когда говорил Владимир Ильич, участники живой картины так и не покидали сцены. И он выступал как бы окруженный представителями всех народов мира.

А когда Ленин кончил говорить и зал успокоился, по знаку дирижера хор вышел на сцену и запел «Интернационал». Это было как раз в ту минуту, когда стрелки часов сошлись вместе и пробило двенадцать.

Так люди приветствовали приход нового, 1920 года, который был ознаменован разгромом врагов на многих фронтах.

Позже в помещении бывшей Хлебной биржи, где встречал с рабочими Басманного района новый, 1920 год Владимир Ильич Ленин, открылся районный Дом пионеров.

И там бывает новогодняя елка и выступает детский хор. Ребята поют с той же сцены те же нестареющие песни революции.

И так хорошо поют, словно их слушает Владимир Ильич Ленин.

Обаяние личности

«Революционер, трибун, дипломат» — так называется книга об Александре Михайловне Коллонтай (1872—1952) — замечательной русской женщине, выдающейся деятельнице международного рабочего движения.

Дочь царского генерала Домонтовича, она могла бы жить безмятежной, благополучной жизнью. Но двадцатилетняя Александра Коллонтай предпочла беспокойный, полный лишений путь — она стала профессиональной революционеркой.

А. М. Коллонтай начинала свою революционную работу в середине 90-х годов в Петербурге. Участвовала в международных социалистических конгрессах в Копенгагене, Штутгарте и Базеле. В 1917 году Коллонтай — член ЦК РСДРП(б), после победы революции — нарком государственного призрения, член ВЦИК. С 1923 года Александра Михайловна на дипломатической работе в Норвегии, потом в Мексике и Швеции.

Чтобы воссоздать биографию Коллонтай, автору книги, старой большевичке Анне Марковне Иткиной, пришлось поднимать архивные материалы, перебирать неопубликованные письма и дневники, сверять и уточнять исторические данные. Во многом тут помог партийный опыт автора и то, что она хорошо знала Коллонтай и работала вместе с ней.

А. М. Иткина. Революционер, трибун, дипломат. Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. Издательство политической литературы. Москва, 1964. 128 стр.

А. М. Иткина нашла теплые, точные слова, рисующие обаятельный облик первой советской женщины-наркома.

В характере Коллонтай покоряет цельность, гармоничность. Однажды узнав правду общественной жизни, Александра Михайловна поставила перед собой высокую цель — освобождение трудового народа — и сумела подчинить ей все свои силы и помыслы.

Она была выдающимся трибуном революции. Приведем, например, отзыв датской газеты о выступлении Коллонтай летом 1910 года на Международной женской социалистической конференции

в Копенгагене: «И вот на трибуну поднялась г-жа Коллонтай из Санкт-Петербурга, стройная, одетая в черное... Движение руки — и пламя революционного энтузиазма засверкало в словах, она зажгла всех своим волнующим пафосом, своей неумемной энергией, своей беспредельной страстностью... Когда она умолкла, раздались такие бурные аплодисменты, что казалось, будто сам царский трон разрушится от этого...»

Очерк А. М. Иткиной имеет еще одно немалое достоинство: в нем почти на каждой странице слышится голос самой Коллонтай. Автор умело использует неопубликованные воспоминания и дневники Александры Михайловны; они придают книге характер достоверного документа. В июле 1915 года Коллонтай получила письмо Ленина, излагавшего позицию большевиков в вопросах войны и мира, и записала в дневнике: «...Странно дрогнуло сердце, когда я с радостью прочла письмо Ленина, — я знала, что это новый и, быть может, тернистый путь, но было радостно: путь серьезный. Так надо!.. Как будто все еще не дошла до настоящего, еще не совершила положенного мне. Здесь довершу».

Коллонтай довершила все выпавшее на ее долю и на посту наркома государственного призрения и на дипломатической работе в Норвегии, Мексике и Швеции.

Небольшая по объему книга А. М. Иткиной, конечно, не исчерпывает богатого наследия Коллонтай — литератора, публициста, трибуна. Некоторые периоды ее жизни изложены в очерке весьма компактно. Но главное сделано: автор очерка сумел донести до читателя обаяние Александры Михайловны Коллонтай, ее революционную страстность, ее преданность делу народа.

Вл. ВОРОНОВ

Михаил ЗЛАТГОРОД

КОГДА НА СЕВЕРЕ СТАНОВИТСЯ ТЕПЛО

Снежногорск сегодня.

На «Нулевом пикете»

Я много слышал о Норильске, многоэтажном городе, построенном в зоне вечной мерзлоты, в краю свирепых морозов и вьюг. И когда прилетел в этот город, особенно не удивлялся. Громады зданий на широком проспекте Ленина, легкое и величавое полукружие Гвардейской площади, самый северный в стране плавательный бассейн, самая северная в мире телевизионная станция — все это, конечно, восхищало, как и детские сады, где ребята могут загорать под кварцевым солнцем на привезенном издалека чистом песочке, как и зимние сады в школах, как и большие теплицы цветочного питомника, откуда в короткие летние месяцы гвоздики и канны переселяются в скверы и на площади города, словно он и не находится у 69-го градуса северной широты.

Но больше всего мне запомнилось в Норильске другое...

На окраине, которая называется «Нулевой пикет», круто вздымается большая заснеженная гора. Черным по белому пересекают ее склоны колеи железнодорожных путей, линии тоннелей, эстакад, глубоко врезанных в каменную толщу. Заводские трубы задевают облака. Отсюда, от подошвы, они кажутся тонкими, как спицы. Повсюду мачты электропередач, стрелы кранов. Ветерок доносит сернистый запах — дыхание гигантского горнометаллургического комбината.

Напротив горы, чуть поодаль от дороги, по которой проносятся самосвалы, автобусы, прилепился к земле маленький зеленоватый бревенчатый домик с покосившимся крыльцом, со ставнями на окнах.

Улица Горная, № 23. Рядом с номером простая и такая значительная надпись: «Первый дом Норильска, построенный геологоразведочной экспедицией Н. Н. Урванцева летом 1921 года. У этого дома зимовщики в 1922 году провели первую в Норильске первомайскую демонстрацию».

С этого домика и начинается биография «Жемчужины Севера», как называют Норильск.

Николай Николаевич Урванцев, замечательный ученый и мужественный человек, с группой товарищей начал исследование долины реки Норильской и окружающих диких гор в ту пору, когда страна не могла еще снабдить развед-

чиков недр ни точными приборами, ни вертолетами, ни рациями, без которых подобные экспедиции сейчас просто немислимы.

Геологи месяцами жили оторванными от всего мира, боролись со свирепыми снежными бурями и все же сумели поставить первые вехи там, где потом по их ориентирам были обнаружены запасы угля, равные донбасским, богатейшие месторождения никеля, меди, кобальта, платины. Они были крестниками нынче знаменитых гор Надежды и Рудной, ручьев Медвежьего и Угольного.

Ближайшим помощником Урванцева во всех многотрудных странствиях по тундре была его жена Елизавета Ивановна, по специальности врач. Она не только лечила людей во время изнурительных походов через кишасшие гнусом болота, но и сама нередко брала в руки геологический молоток. И когда прихотливо удача, геологи дарили Елизавете Ивановне букеты жарков — скромных цветов тундры.

Я никогда не встречался с Елизаветой Ивановной. И все же мне кажется, что встречался, потому что долгие годы поездов по северным новостройкам подарили мне много других встреч, с ее младшими сестрами и последовательницами.

Мне нравятся задушевные строки, написанные о Севере поэтом Николаем Флеровым:

...Но холод здесь вовсе не страшен,
Пусть вьюга бьет даже мела.
Так много на Севере нашем
Родного, людского тепла!

От рук и сердец терпеливых, преданных и заботливых подруг северян прежде всего и исходят потоки этого тепла.

Хантайка

Пока Норильский комбинат работает на угле. Но для «Жемчужины Севера» требуется новая, более мощная энергетическая база. И она будет создана самими современными, самыми экономичными методами. Сибирь живет под знаком быстрого развития молодой для нее отрасли промышленности — добычи нефти и газа.

Месторождение газа обнаружено и в сибирском Заполярье — километрах в шестистах западнее Норильска, у реки

Таз. Оттуда, из Тазовского, через непроезжие топи и таежные дебри протянется стальная нитка газопровода. Уже ведутся изыскания. Через год стройка первого в мире газопровода в зоне вечной мерзлоты начнется.

Но газ — это еще не все. Надо использовать и гидроресурсы. В ста пятидесяти километрах от Норильска, возле нового поселка с романтическим названием Снежногорск, приступают к сооружению подземной гидроэлектрической станции.

...Мы летели из Норильска над невысокими сопками, блюдцами болот — островками посреди бесконечной белой равнины. Прихотливо чертят по ней зигзаги извилистые речки тундры. Одна из них, самая приметная, называется Хантайкой. Бурная, порожистая, полноводная Хантайка и была выбрана проектировщиками. Створ плотины Хантайской ГЭС намечен в скалистом каньоне реки.

Поселок строителей раскинулся на левом берегу Хантайки. Палатки, сборные стандартные домики, деревянные избушки, которые по-сибирски называются «балки». Над одной из палаток на тонком шесте гордо развевается флаг. Почему такая честь этой палатке?

Мне рассказали, что живут в этой палатке обыкновенные рабочие — дизелисты, бульдозеристы, плотники. Но палатка примечательна тем, что с нее начинается новый город, как Норильск начинался с домика на «Нулевом пикете». Это первая палатка, которую летом 1963 года поставили в тундре, на границе с тайгой, там, где еще недавно бродили медведи.

У карты родной страны

Начальник строительства Хантайской ГЭС инженер Виктор Иванович Борисов — высокий, худощавый, не слишком крепкого сложения человек. Родился в Оренбурге, институт окончил в Куйбышеве. Ему нет еще тридцати пяти. На Север приехал с женой Маргаритой Михайловной, она тоже инженер и тоже работает. Есть и третий член семьи, дочка Таня.

Крохотная девчурка в теплых красных сапожках внимательно слушала разговор приезжего дяди с ее папой, смиренно сидя на краю дивана в отцовском кабинете.

— Перед нами большие трудности, — говорил Борисов. — Предстоит перегордить Хантайку каменно-набросной плотинной высотой в шестьдесят метров, построить две ограждающие дамбы и водохранилище протяженностью почти в сто километров. И самое сложное — в скале, под землей пробить тоннели высотой в пятиэтажный дом.

Он, Борисов, верит, что их коллектив не отступит перед трудностями, сделает все, чего требует смелый и сложный технический проект. Но для этого прежде всего надо позаботиться о тех, кто будет строить. Поэтому на правом берегу начата стройка нового города. Надо поскорее переселить всех в добротные дома. Магазины, столовые должны быть в Снежногорске не хуже, чем в больших благоустроенных городах.

Часто бывает так: поступает на стройку рабочий с квалификацией, поселяется в общежитии, а потом приносит телеграмму — жена приезжает. «Хоть какой-нибудь дайте нам уголок...» И трудно, говорил Борисов, отказать в такой просьбе, хотя возможности пока еще очень ограничены. Семья на стройке — это цементирующая сила коллектива. Чтобы долго жить и работать на Севере, нужен человеку большой заряд оптимизма, а кто же даст такой заряд, как не семья?

Вспомнились мне эти слова Виктора Ивановича, когда я познакомился в Снежногорске с одной рабочей семьей — семьей Бухаровых.

Его зовут Виктор, ее — Ольга. Подружились они на одной из сибирских строек. Оба приобрели одну и ту же специальность: электрики. Сейчас оба посменно дежурят на «дизельной», временной электростанции. Их семилетний сынишка Саша пошел в первый класс в самой первой снежногорской школе.

— Саша у меня раньше прихварывал, — делилась со мной Ольга Бухарова. — Но как переехали на Север, представьте, болеть перестал. Морозы тут

сильные, до сорока пяти градусов, но воздух сухой, здоровый. Случай вам расскажу. Нам воду привозят с реки в машине. А в тот день что-то случилось с машиной. Взяла я ведро и сходил на Хантайку. Зачерпнула из проруби, принесла воду в наш балок. И тут видим: в ведре рыбка плавает. Такая маленькая, голенящая, словно игрушечная... Сашка мой страшно обрадовался: «Мама, я за ней ухаживать буду!» Дала ему банку. Поселили мы эту хантайскую рыбку в домашнем аквариуме. И вот уже третий месяц живет она в нашем доме.

— Главное, — добавил Виктор Бухаров, — главное, есть у нас с Олей работа по душе. И дело такое почетное: нигде в мире еще не строили электростанции на вечной мерзлоте. А мы строим!

Будущий Снежногорск... Я вижу осуществленными замыслы таких людей, как Борисов. Вижу огромный жилой корпус со всеми современными удобствами, а рядом — стадион и плавательный бассейн. Да, да, не удивляйтесь! Стадион и плавательный бассейн в краю морозов и выюг. Спортивные сооружения будут соединяться с домом крытыми переходами из прозрачного стеклопластика.

Крытые улицы новых северных городов, общественные центры коммунистического типа — это уже не романтические мечты, а реальность инженерных проектов, дело ближайших лет.

Талнах

Это сейчас самое популярное слово у норильчан. Где бы вы ни находились — на рабочем собрании или в столовой, в гостях или зашли по делу в учреждение, — всюду только и слышно:

- Как Талнах?
- На Талнах!
- Для Талнаха!

Талнах — это название местности в тундре, за рекой Норильской, километрах в тридцати от Норильска. Там река и горы. Заросшие кустарником болота. А сейчас еще и быстро растущий городок геологов и строителей.

На языке одной из народностей Таймыра, долган, Талнах означает «запрет». На этом же языке название шахтерского поселка Кайеркан переводится как «преддверие смерти». Одна лишь эта лингвистическая справка показывает весь масштаб перемен, происходящих на древней сибирской земле. Там, где некогда забитых и темных обитателей тундры подстерегали ужас и гибель, добывают сегодня свет и тепло для людей. Не «преддверие смерти», а доро-

гой к богатой, культурной жизни стал Кайеркан. И нарушившие «запрет» таинственных гор разведчики и строители Талнаха утверждают торжество жизни в краю вечной мерзлоты и длительной полярной ночи.

В горах Талнаха найдены новые пласты полиметаллических руд, столь нужных нашей стране, особенно для развития большой химии.

Мне дали в руки кусочек этой руды — зеленовато-тусклым камешек с желтоватыми искрами-зернами. Я взвесил его на ладони. Ого, тяжеленок! Переплелись тут кристаллы и меди, и никеля, и кобальта, а может, и золота.

Любопытно кое-что сравнить и сопоставить.

После экспедиции Н. Н. Урванцева потребовалось более десятилетия, чтобы страна смогла начать черпать богатства из сокровищницы норильских гор.

История освоения талнахских кладов не насчитывает еще и пяти лет. Первый уступ диабазов с вкраплениями руд, уступ, замаскированный самой природой кривыми заповярными берегами и кустарниками, геологи обнаружили летом 1961 года. Но уже сейчас, в 1964 году, на этом же самом месте, у подножия талнахских гор, чернеют в воздухе копры строящихся шахт. Возникает рудник «Маяк». И бегут по насыпной дороге машины. И возводятся через реку Норильскую мост на семи опорах: сообщение с Талнахом будет надежным не только зимой, когда мороз сковывает реку, но и в любую пору года.

— Мы обещали в 1965 году дать стране талнахскую руду, — сказал мне Владимир Иванович Долгих, директор Норильского комбината. — И мы ее дадим!

Незадолго до того, как я побывал на Талнахе, там произошло событие, которое, может, и не войдет в летопись стройки, но, безусловно, долго-долго сохранится в памяти юношей и девушек, приехавших сюда по комсомольским путевкам.

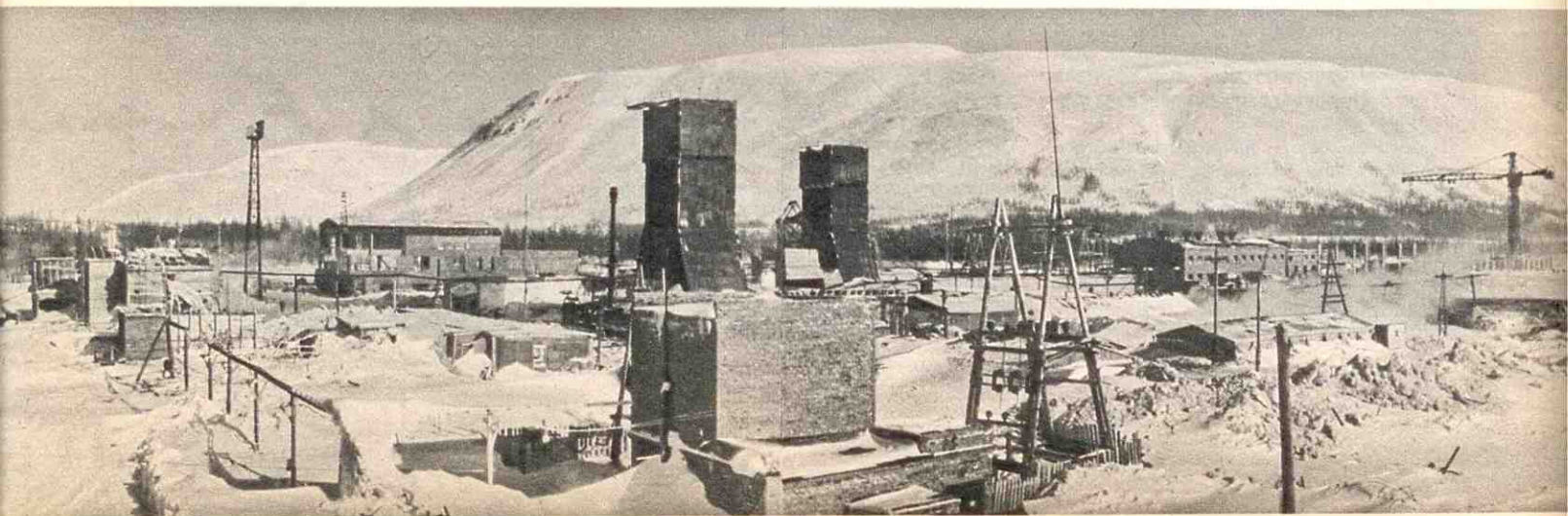
Молодая работница Вита Кривульская выходила замуж за демобилизованного воина Петра Мошкина. Петр прибыл на Талнах в солдатском бушлате, с тощеньким чехоманчиком в руке. Все имущество невесты легко укладывалось в один рюкзак.

Перед свадьбой талнахские комсомольцы провели специальный воскресник, чтобы справить «приданое» Вите Кривульской.

Первая свадьба! Еще одна трудовая семья. А сколько их будет в новом городе, который раздвинет угрюмые горы и зажжет электрические созвездия в черной глубине полярного неба!..

Строится первый на Талнахе рудник «Маяк».

Фото И. ХАЛИКОВА.

Ц. БУДБАЗАР. НА СТРОЙКЕ.

ЯРКАЯ, КАК СОЛНЦЕ

Н. ЗАБЕЛИНА,
мастер наборного цеха типографии «Правда»,
Герой Социалистического Труда

В центре Улан-Батора, столицы Монгольской Народной Республики, высится монумент: всадник с высоко поднятой рукой. Это памятник основателю Монгольской Народной Революционной партии, вождю революции Сухэ-Батору.

Сотни лет находилась страна под игом маньчжурских завоевателей. Шел двадцатый век, а в монгольских степях все оставалось, как в средние века. Князья и дворяне, китайские ростовщики и ламаистские монастыри держали скотоводов в рабской зависимости. Народ вымирал от голода, болезней, дикости.

Но эхо Октябрьской революции докатилось и до монгольских кочевий. Тысячи угнетенных стали под знамена революции.

Сын скотовода-кочевника Сухэ-Батор, самоучкой овладевший грамотой, вместе с несколькими другими революционерами организовал партию, которая подняла аратов-скотоводов на революционную борьбу и привела к победе народной власти.

И сейчас еще жив один из участников делегации монгольских революционеров, которая во главе с Сухэ-Батором ездил в Москву к великому Ленину. Его вос-

поминания об этой встрече вам расскажут почти дословно в каждом монгольском доме, в каждой юрте и взрослых и школьники.

Это было в 1921 году, после того как монгольский народ при братской помощи Красной Армии изгнал из своей страны белогвардейские банды барона Унгерна, иностранных интервентов и делал первые шаги к новой, свободной жизни.

Встреча В. И. Ленина с Сухэ-Батором и его товарищами имела громадное значение. Именно тогда была заложена

основа вечной нерушимой дружбы монгольского и советского народов, дружбы, которая сегодня согревает наши сердца.

Владимир Ильич Ленин гениально предвидел возможность построения социалистического общества в бывших отсталых колониальных странах, минуя муки капитализма. И Монгольская Народная Республика при братской помощи Советской страны пошла по некапиталистическому пути.

Эти строки пишущая в канун большого события: 26 ноября 1964 года исполняется сорок лет со дня провозглашения Монгольской Народной Республики. Монгольский и советский народы вместе отмечают этот праздник.

Мне посчастливилось своими глазами увидеть древнюю и прекрасную землю Монгольской Народной Республики.

Как рассказать об удивительном очаровании этой страны, раскинувшейся на тысячи километров!

Я видела горы, вершины которых покрыты вечным снегом, и безбрежные степные просторы, любовалась осенним золотом тайги и синью озер, побывала в молодых веселых городах и новых поселках целинных госхозов.

Монгольские друзья с гордостью рассказывали нам об успехах своей страны. Они действительно грандиозны.

В нищей стране кочевников-скотоводов, какой была Монголия до народной революции, в стране, где не было ни промышленных предприятий, ни городов (даже столица страны — Урга представляла собой лишь большой монастырь), а связь с внешним миром поддерживалась с помощью верблюжьих караванов, теперь созданы все условия для завершения строительства социализма.

Родился и вырос рабочий класс. Тысячи людей трудятся на крупнейшем промышленном комбинате Улан-Батора, десятки тысяч — на трансмонгольской железнодорожной магистрали, на строительных площадках городов, в угольных шахтах, на электростанциях. Создается своя нефтяная промышленность.

Скотоводство продолжает оставаться главной отраслью хозяйства страны. Монгольская Народная Республика занимает одно из первых мест в мире по количеству скота на душу населения.

В аратских кооперативах строятся молочнотоварные фермы, красные уголки, бани, электростанции, создаются медицинские ветеринарные пункты, возводятся постоянные жилища. Хотя сохраняются еще и юрты, потому что в условиях пастбищного животноводства без них не обойдешься.

Большим подвигом монгольского народа было освоение почти пятисот тысяч гектаров целинных земель. Задача была трудной, ведь полеводством араты начали заниматься всего лет пять-шесть назад.

Веками дремавшая земля приносит значительный урожай пшеницы и овощей. А еще несколько лет назад многие агрономы считали, что в Монголии, где поздно приходит весна и рано наступают заморозки, хлеб выращивать невозможно. Теперь МНР полностью обеспечивает себя зерном и даже экспортирует его в другие страны. Добрым словом отзывались монгольские хлеборобы

о советских специалистах, которые помогли им поднять целину, готовили кадры полеводов и механизаторов.

В степях и пустынных районах Гоби построено за последние годы много колхозов, сооружаются оросительные системы, строятся новые города.

Нам рассказывали о молодом ученом — монголке Мидаг, которая на опытной сельскохозяйственной станции разводит в Гоби кормовые и лекарственные травы. И это в безводных, пустынных районах!

Их много, молодых ученых, получивших образование в годы народной власти. Они работают в университете (это первое в Монголии высшее учебное заведение родилось в 1942 году), в Академии наук и в геологических экспедициях.

В МНР на десять тысяч человек населения приходится студентов вдвое больше, чем в таких развитых капиталистических странах, как Англия, Франция, ФРГ и Италия.

Наша делегация побывала в больницах, школах, детских яслях, музеях, в музыкально-хореографическом училище Улан-Батора, в театре и в прекрасном недавно отстроенном Дворце пионеров. Мы видели санатории и дома отдыха для трудящихся.

Наши монгольские подруги так же равноправны, как и мы. Они работают на промышленных предприятиях, водят ав-

томшины и тракторы, преподают в институтах, строят дома, лечат больных.

И всюду мы убеждались, как ценят монголы дружбу с советским народом, с каким интересом изучают опыт коммунистического строительства нашей страны. Нельзя передать обстановку взаимной искренности и доверия, в которой проходили все беседы, все встречи. Передо мной словно открывалось большое и доброе сердце народа.

Мне полюбились мелодичные монгольские песни, сказки и легенды, которые слагают и поют акыны. Вот слова из сказа, посвященного дружбе монгольского и советского народов:

Мы священной дружбой сильны.
Помощь братской великой страны
Душу греет и радует взор,
Освещает, как солнце весны.
Даль Алтайских высоких гор.
Согревает простор целины.
И слагают всей радостью дней
Дети, женщины песни о ней,
Прославляют ее старинки.
С каждым днем наша дружба тесней,
Нам советские люди близки.
Наши страны сдружились навек.
Наши партии — сестры навек.
Смело в завтра идем до конца
Через степи и тысячи рек,
Через горы и через хребты...
И стучат у нас вместе сердца.
И одни у нас в жизни мечты!

Да, ярче солнца сияет дружба советского народа с народом братской Монголии — страны, которая первой после СССР стала на путь социализма.

Сономын УДВАЛ,

председатель Союза писателей
Монгольской Народной Республики

Москвичка

Зима 1943/44 года выдалась особенно суровой. Такой зимы не помнили в Гоби даже самые старые люди. Снег замел дороги, свирепый ветер кружил столбиче морозные вихри. Маленькие стойбища скотоводов — три-четыре юрты в каждом — казались затерянными в безбрежных заснеженных просторах. Морозы доходили до 50 градусов. Люди не осмеливались далеко уезжать от юрты: легко потерять направление, сбиться с пути, и тогда конец. Только крайняя нужда заставляла человека отправиться в дорогу.

Ранним утром один такой смельчак подошел к стойбищу, спрятавшемуся от ветра у подножия горной гряды. Человек вел за поводья верблюда. У одной из юрт стоял грузовик. К ней-то и направлялся путник.

Поздоровавшись с хозяевами юрты, путник спросил:

— Не врач ли приехал на этой машине? Я ездил в сомон, в больницу, и там узнал, что врач отправился в кочевья.

Молодая русская женщина, прилег-

шая было около печки, чтобы хоть немного согреться, подняла голову. Она вопросительно взглянула на сидевшую рядом монголку-переводчицу.

И хозяйка юрты и переводчица сочувственно смотрели на взволнованное лицо путника.

Переводчица объяснила:

— Врач здесь, вот она. — И кивком показала на молодую женщину. — Но снегу столько намело, что машине не пройти, а русская на верблюде разве ездок? — Потом обратилась к Екатерине Николаевне (так звали врача): — У него жена рождает, трудно очень...

— А далеко ли они живут? — спросила врач.

— Отсюда не меньше пятнадцати километров. Но снег, метель... Как ты поедешь на верблюде? Замерзнуть можно.

— Еду, — решительно сказала Екатерина Николаевна и начала одеваться.

По-прежнему злобно крутила метель. Сосед-скотовод подел верблюда и, дернув за поводья, заставил его подогнуть

Рисунок В. РАССОХИНА.

ноги. Екатерина Николаевна вскарабкалась на двугорбую спину.

Ей вдруг вспомнилось, как когда-то, давным-давно она впервые увидела рисунок, изображавший это огромное животное, увидела и испугалась. Теперь ей предстояло отправиться на нем в путь. Но ведь другие ездят, чем она хуже!

...Нельзя было понять, как находил арат верное направление в этой бескрайней пустыне, в этой слепящей сумятице колючих снежинок, перемешанных с песчаной пылью. Ехать было неудобно, с непривычки ломило все тело, и казалось, что в следующую минуту обязательно свалишься под ноги животному. Ветер и холод пронизывали насквозь.

Сколько времени прошло с тех пор, как они покинули юрту? Как далеко еще до стойбища? Екатерине Николаев-

не казалось, что она давно, очень давно качается в этом холодном белесом маре. И вдруг верблюд споткнулся. Девушка не удержалась и упала в снег, больно ударившись о смерзшуюся землю.

С трудом поднявшись, она стала объяснять своему спутнику, что не сможет дальше ехать на верблюде, лучше пойдет пешком, так вернее. Но арат не соглашался: по такому снегу не дойдешь, а если и дойдешь, то это потребует слишком много времени.

Екатерина Николаевна молча кивнула головой: она поняла, что может прийти слишком поздно. Снова взошла она на верблюда. Рядом с ней сел арат. Он придерживал ее, не давая упасть.

Только к вечеру добрались они до стойбища. Вглянув на рожищу, Екатерина Николаевна поняла, что случай сложный. Целые сутки она боролась за жизнь матери и ребенка. Целые сутки не смыкала глаз. И только к утру второго дня новый житель земли появился на свет, сообщив об этом громким криком.

Екатерина Николаевна вышла из юрты и поразилась: все изменилось вокруг. Безоблачное небо сияло удивительной синевой, ярко, совсем полетнему светило солнце, а по успешному образованию насту шла к стойбищу большая машина.

Подъехавший шофер и переводчица с удивлением смотрели на врача. За месяцы работы с ней они никогда не видели на ее лице радостной улыбки. После известия с фронта о гибели отца Екатерина Николаевна редко улыбалась, а в глазах ее, казалось, навсегда застыла печаль.

Долго, благодарно тряс хозяин на прощание руку врача. И глаза у него в это время были очень преданными и нежными.

Пришло лето. А летом в Гоби жара, как в пекле. Однажды врач вместе с сомонным фельдшером отправилась в стойбище, чтобы осмотреть больного ребенка. Возвращаясь обратно, она остановилась, чтобы передохнуть в тени саксауловой рощи.

Екатерине Николаевне вспомнился русский лес, широкий волжский простор, о которых она так тосковала. Но все больше покорило ее своеобразное очарование Гоби. Нет, это не была песчаная пустыня, какой она ее себе представляла по учебникам географии.

В оазисах росли прекрасные цветы, величественные скалистые горы напоминали причудливую архитектуру древних храмов. А гобийские миражи? Какое это удивительное зрелище! Особенно хороша была Гоби сейчас, в предзакатный час, когда огромное небо словно окаймлено цветной лентой радуги.

Москвичка Екатерина Николаевна, недавняя студентка Катя, чувствовала, что начинает любить этот суровый край.

Из недалекого стойбища к врачебной машине подошла женщина. На руках она держала крепкого полугодовалого мальчишку. Весело смеясь, женщина протянула его врачу. Только тогда Катя узнала в ней молодую мать, к которой ехала на верблюде в ту памятную и суровую гобийскую зиму.

Перевод с монгольского.

Людям светит несказанного свет

Кому из москвичей не знакома обычная московская окраина! Но откройте книжку стихов Новеллы Матвеевой, и вы увидите эту окраину в каком-то странном, необычном свете, все покажется здесь волшебным:

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской.
Точно в теплом море челн.
Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.
Было волшебное все:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.
И эти дома без крыш,
Светлые без огня,
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.

(«Окраина»)

Но таково свойство поэзии, и хоть

Все сказано на свете,
Несказанного нет,
Но вечно людям светит
Несказанного свет.

Вечно странствует душа поэта, заново открывая людям, казалось бы, давно знакомое, привычное.

В то же время стихи Новеллы Матвеевой отчетливо определены по своим чувствам, по отношению к миру. Это поэзия цельного человека, который и в мире ищет цельности и ясности поэзии. «Страшен путник без пути, страшен путь без цели», — говорит поэтесса в «Блуждающем огоньке»; для нее этот огонек — «световой предатель»: он не ведет к цели. Ей ближе другой образ — образ маяка, который говорит с кораблями

...настолько внятно,
что в мокрой тьме,
в прерывистой дали
увидят,
и услышат,
и превратно
тебя не истолкуют корабли.

Матвеевой близок образ путешественника, чьи «рукопожатия надежны, как гербовая печать», она восхищается дирижаблем, потому что «наш веселый «ТУ» и есть не кто иной, как дирижабль в расцвете лучших лет».

Романтика открытий, путешествий, романтика вечных странствий уживается

в стихах Новеллы Матвеевой с романтической верности, надежности, четности принципов. Именно этой определенностью чувств и бесконечным волшебством открытий и интересна книжка стихов Новеллы Матвеевой.

С. БАБЕНЬШЕВА

Новелла МАТВЕЕВА. Кораблик. Стихи. Изд. «Советский писатель».

ЗАКАНЧИВАЯ

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТНИЕ...

О. ЧЕЧЕТКИНА

Огромное прямоугольное здание из стекла и бетона на берегу Ист-Ривера в Нью-Йорке, где размещается Организация Объединенных Наций, теперь известно всем. Его можно увидеть почти во всех путеводителях, на почтовых марках и открытках, на газетных и журнальных фотографиях. Его описывали десятки раз корреспонденты всех стран мира.

Здание на Ист-Ривере стало «туристическим объектом», как римский Коллизей или скальные храмы Эллары. По его длинным коридорам ходят разноязыкие группы туристов, и молоденькие девушки-гиды показывают зал заседаний Генеральной Ассамблеи, зал Совета Безопасности, непременно упоминая: вот там сидит такой-то, а это было кресло такого-то. Показывают статую Зевса — подарок Греции, модель первого спутника из Советского Союза, ковер из Ирана, gobelen из Бельгии, настенные фрески из Бразилии, шелк из Ганы. И колокол из Японии, отлитый из монет всех стран.

Впрочем, государств нынче куда больше, чем было в те дни, когда японцы делали свой подарок Организации Объединенных Наций.

25 апреля 1945 года, когда в Сан-Франциско собралась первая международная конференция, в ней участвовало 50 государств. Они выработали и подписали Устав Организации Объединенных Наций как инструмент мира и сотрудничества народов. А на сессию Генеральной Ассамблеи, которая завершит фактически второе десятилетие Организации Объединенных Наций, соберутся уже представители 112 государств. И дело тут не в простой арифметике — 112 больше, чем 50, — а в новом качестве, которое все больше и больше приобретает Организация Объединенных Наций, потому что к ней присоединяются, становятся ее членами такие государства, которые еще совсем недавно были колониальными и зависимыми владениями крупнейших империалистических держав мира.

Молодые государства Азии, Африки играют в ООН все более важную роль. Этот международный форум наций стал зеркалом, отражающим те исторические изменения, которые произошли в мире за последние десятилетия.

Социалистические страны и группа развивающихся независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки составляют сейчас основное ядро Организации Объединенных Наций не только потому, что растет их число, а потому, что именно эти две группы государств выступают против реакционных сил старого мира — сил империализма и колониализма. Объединенными усилиями социалистических стран и азиатско-африканских государств Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Насущная задача ООН — неуклонно и безотлагательно добиваться претворения в жизнь этой Декларации, чтобы на земле не осталось ни одного народа, ни одной страны, которые не были бы свободны от колониального рабства. Сейчас, когда в Организации Объединенных Наций так сильно выросло число стран, стоящих на позициях антиколониализма и антиимпериализма, выполнение этой

задачи в значительной степени зависит от их единства и сплоченности.

Вместе с тем наиболее важной проблемой, стоящей перед ООН, является проблема всеобщего и полного разоружения.

Советский Союз был первым государством, которое уже в 1946 году, на первой сессии Генеральной Ассамблеи, выдвинуло предложение о всеобщем сокращении вооружений и запрещении производства и использования атомной энергии в военных целях.

С тех пор многое изменилось. Изменилось не только государственное устройство стран и целых континентов, но стала иной военная техника, система и средства вооружений, появились военные союзы и блоки. Ныне атомным оружием владеют Соединенные Штаты, Англия, Советский Союз, Франция, Китайская Народная Республика. Конечно, мощь этого оружия, средства его доставки в этих странах разные, однако главным является сам факт распространения атомного оружия.

Недавно в почтовой администрации ООН появилась новая марка. На ней изображен замок, повешенный на зловещий гриб ядерного взрыва. Марка посвящена первой годовщине договора о частичном запрещении ядерных испытаний.

Несомненно, Московский договор сыграл большую роль. Он положил конец испытаниям в атмосфере, в космосе и под водой, способствовал разрядке международной напряженности, показал реальные возможности полного запрещения ядерных испытаний.

А между тем предпринимаются обходные шаги для распространения атомного оружия даже на такую страну, как Западная Германия. Таким обходным маневром служит создание «многосторонних атомных сил» военного блока НАТО.

Мы уже говорили в прошлых обзорах, как будут выглядеть эти «многосторонние силы»: на военных кораблях, оснащенных атомным оружием, комплектуются команды из моряков разных национальностей. И хотя этот план вызвал протест широкой общественности Англии, США и других стран, хотя Норвегия, Франция и Дания отказались поддерживать этот план, военные круги США и Западной Германии развили непомерную активность и объявили, что если страны НАТО откажутся от участия в «многосторонних силах», то «многосторонние силы» станут просто «двухсторонними». Короче говоря, Соединенные Штаты не остановятся перед тем, чтобы взять себе в прямые подручные боннских реваншистов.

Не успело лейбористское правительство Англии прийти к власти, сменив консерваторов, как новый министр ино-

странных дел Гордон-Уокер отправился в Соединенные Штаты для переговоров по поводу «многосторонних сил» и атомных ракет «Поларис». А пока в Белом доме готовились к дипломатическим переговорам, в вашингтонский военно-морской порт вошел эсминец «Рикеттс». Вообще-то постоянная база этого американского судна — Норфолк, в штате Вирджиния. Но сейчас «Рикеттс» превратили в «пробное судно» будущих «многосторонних сил».

Экипаж его состоит из американцев, итальянцев, греков и турок. На церемонии открытия плавания «Рикеттс» начальник штаба военно-морских сил США адмирал Дэвид Макдональд воскликнул: «Да поможет вам бог!» Сначала по-английски, а потом повторил то же самое на греческом, турецком, голландском и итальянском языках. Вот и все. На этом и окончилось «равноправие» стран НАТО, чьи моряки посажены на американский эсминец. А дальше процитируем то, что с полной откровенностью выложила западногерманская газета «Рейнише пост»:

Западногерманская часть «смешанной команды», состоящая из специально подготовленных офицеров и матросов, стоит по численности на втором месте после контингента, предоставленного военно-морским флотом США. Командование эсминца находится в руках американского офицера. Однако, подчеркивает «Рейнише пост», офицером, в обязанность которого входит наблюдение и командование ракетным оружием на «Рикеттсе», является западный немец.

Эта новая реальная опасность распространения атомного оружия под видом «многосторонних сил» не должна пройти незамеченной для ООН. Прямой долг Организации Объединенных Наций — в кратчайший срок выполнить те ее решения — в том числе резолюцию по разоружению, — которые были единодушно приняты Генеральной Ассамблеей.

Организация Объединенных Наций была создана народами, познавшими тяготы и страдания мировой войны, в надежде, что ООН станет важнейшим инструментом мира и международного сотрудничества.

Советский Союз вновь подтверждает, что он выступал и выступает за укрепление ООН в интересах мира и безопасности народов. В то же время СССР не признавал и не признает за кем-либо право несогласованных шагов и действий от имени ООН. Такие действия лишь подрывают авторитет этой международной организации в глазах народов.

Советский Союз по-прежнему выступает за то, чтобы двери Организации были открыты для всех народов и стран.

«В цехах и бригадах» — так называется новая рубрика в журнале. В этом номере вы прочтаете, как заботятся об условиях труда работниц на воронежском заводе «Электросигнал» и о том, почему на Уральской фабрике индпошива и ремонта одежды не любят «лучшую» бригаду. Напишите нам, о чем вы хотели бы прочесть в следующий раз, что волнует вашу бригаду, коллектив вашего цеха. Ждем ваших писем.

ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО

Каждые две с половиной минуты с конвейера регулировки воронежского завода «Электросигнал» сходит новый телевизор.

На конвейере все операции рассчитаны заранее. Каждые две с половиной минуты работница повторяет одну и ту же операцию.

Конвейер не может стоять из-за отсутствия какой-нибудь работницы. И естественно, если кто-то заболел, на ее место садится другая. Нужна взаимозаменяемость. Значит, каждая должна знать по меньшей мере две операции.

Подменяя таким образом работниц, мастер участка Зинаида Тимофеева стала замечать, что на новой операции девушки всегда работают с большим интересом, нежели на привычной.

Правда, пока работница осваивала новую операцию, терялась скорость. Непривычные детали не всегда «слушались», руки делали не те движения... Но скоро все становилось на свои места, и производство получало явную выгоду.

И не только Зинаида Тимофеева подметила перемену в настроении работниц при переводе с одной операции на другую. Это поняла и Зина Мандрыкина, бригадир участка. Когда сама Зина пришла на завод, ее посадили «за-

жимать лапшу» — крепить кросс (пучок соединительных проводов) специальной полиэтиленовой прокладкой, нарезанной косо, как лапша. Операция простая, но требующая внимания. В первые дни Зина работала охотно. Хотелось быстрее всех делать свое дело. Но постепенно увлечение пропало.

И Зина попросила мастера перевести ее на другую операцию.

Она оказалась способной работницей, осваивалась быстро, и мастер участка Тамара Васильевна Потапова, «потворствуя» желаниям Зины, поручала ей все новые и новые операции. Девушка освоила не только последовательность сборки, но и познакомилась с тонкостями устройства телевизоров. Из монтажниц Зину перевели в регулировщицы, а потом поставили бригадиром.

Молодой бригадир стала знакомить сборщиц со всеми операциями на конвейере, заботясь о том, чтобы девушки «не прокисли», чтобы не пропадали у них интерес. Работницам открывалась тайна созидания. Каждая из них теперь знала: если понадобится, она сама, своими руками может собрать весь телевизор от начала до конца. А руководство цеха увидело и другую сторону дела: появились сборщицы, способные работать на любом месте конвейера!

Преимущества этого нельзя было не оценить. Зину Мандрыкину поддержали, и метод взаимозаменяемости стал действовать на всех цеховых конвейерах.

— Знаете, — торопится рассказать, будто боится, что ее перебьют, монтажница Лида Ромашова, — если бы мы не передвигались, не менялись операциями, я так и застряла бы на сборке. И учиться меня, наверно, не потянуло бы... А теперь у меня перспектива... Недавно на регулировку перевели. Интересно! Но знать много надо. Обязательно учиться поступлю!

Интерес к делу возникает не сразу. Часто он складывается из мелочей. Вот работница заметила: часть кросса ложится на шасси явно лишним завитком. А нельзя ли его укоротить? Посоветовались с технологами. Оказалось, можно. В результате — рационализаторское предложение.

Бригадир, распорядитель работ Таня Дьякова, монтажница Галя Цепкова, бригадир Екатерина Яковлевна Поздоровкина — активные рационализаторы. Они сэкономили заводу много метров ценного провода. А это ведь и есть творческое отношение к своему делу.

И как важно не дать погаснуть этому отношению!

Не могу точно определить то чувство, какое возникло у меня, когда я познакомилась со специальным отделением цеха, где работают в одну смену кормящие матери, беременные и подростки. Может быть, это была радость? Или благодарность?.. А пожалуй, и то и другое вместе. Они слились в одно очень хорошее ощущение подлинной заботы о людях.

На производстве, где в основном заняты женщины, всегда есть и кормящие матери и беременные. Сколько раз

БОРОТЬСЯ НА РАВНЫХ

«Хорошо работает бригада коммунистического труда. Дружные все, трудолюбивые». (Из рассказа директора фабрики.)

«Мы работали в бригаде коммунистического труда. А когда вернулись из декретного отпуска, нас в бригаду не приняли». (Из письма работниц.)

Это об одной и той же бригаде на Уральской фабрике индпошива и ремонта одежды. Их семеро: Лида Марченко, Шура Евдошенко, Света Курганская, Вера Чиркова, Роза Ваганова и две Зои — Мыльникова и Погодаева.

Женщины как женщины. И забот своих друг от друга не прячут и любят между собой поговорить о детях и о том, например, как заставить мужей побольше помогать дома. О работе рассказывают увлеченно: «Хорошая специальность у нас, швей! По улице, как по выставке движущихся моделей, идешь: вот это пальто мы шили, и

это, и это... И не скажешь — «я». Всей бригадой делаем».

Всей бригадой, все вместе — какие слова хорошие! Несколько лет назад копались каждая в одиночку: что делаю — все мое. Когда самые заводные девчонки решили создать первую на фабрике бригаду, некоторые на смех их подняли: «Эх, молодо-зелено! Разумения у вас нет. Что заработаете-то?»

И правда, заработки сначала выходили такие, что совестно было матерям приносить. А потом... потом заговорили о девушках на собраниях, замелькали в газетах фотографии Маши Киловатовой, Веры Речкиной, Ани Солодиловой, Вали Высоцкой... Немного погодя все на фабрике перешли на бригадный метод работы. И звание коммунистической их бригада получила первой.

Пели на первой в бригаде свадьбе у Верочки Речкиной. Вслед за ней все в один год повыходили замуж и долго еще путались в девичьих и новых фамилиях. Время шло. Кто уехал из города, кто ушел «в декрет». Появились в бригаде новенькие.

По-прежнему были победные реликвии о выполнении плана, по-прежнему занимали привычное место в президиуме. Но что-то изменилось, сломалось. Иными стали отношения в бригаде — и внутри нее и с теми, кто рядом.

Нелестно отзывались об этой бригаде соседки по цеху:

— Они только для себя первые! Хороша «дружная бригада»: как уйдет кто в декретный отпуск, станет кормящей матерью — обратно не берут.

— Как это «не берем»? — взвизывает Света Курганская. — А Вера Чиркова?

— Только одну Веру и взяли. А сколько Речкина ходила? Сколько слез пролила? А Высоцкую, Домбрину приняли? Аня Солодилова, бывший бригадир ваш, во время декрета чуть ли не каждый день прибегала, делами интересовалась, а пришла из отпуска — не нужна стала. Только когда подросток у нее ребеночек, приняли.

— Вы план не выполняете, вот и злитесь на нас, — отвечает бригадир Лида Марченко. — Давайте откровенно. Выгодно нам иметь в бригаде кор-

на других заводах и фабриках приходилось слышать жалобы: гоняют с места на место, а от этого и производительность падает, да и настроение не очень-то веселое: чувствуют себя эти работницы какой-то обузой на заводе.

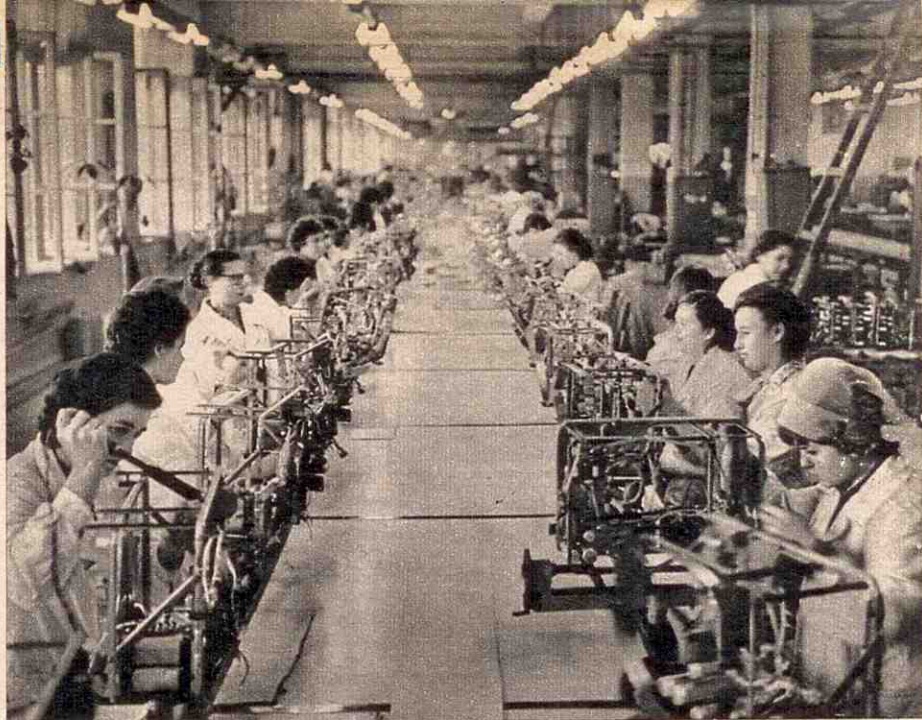
В сборочном цехе «Электросигнала» ничего подобного нет.

...Вначале была как будто только производственная необходимость: некоторые узлы телевизоров поступали из других цехов на сборку с опозданием. Тогда решили собирать эти узлы в специальном отделении сборочного цеха. Но ведь и сюда можно было бы направить опытных работниц, разных по возрасту, таких же, как и во всех остальных отделениях. Именно потому, что руководство и общественность цеха постоянно помнили о второй, я бы сказала, моральной необходимости — необходимости хорошо организовать труд беременных, кормящих женщин и подростков, они не побоялись хлопот и создали это специальное отделение. И производство выиграло: узлы на сборку стали приходиться своевременно, а будущие и кормящие матери получили возможность работать только в первую смену и всегда на своем постоянном месте.

В отделении обстановка приятная. Тут просторно, нешумно. Много цветов и воздуха.

В этом же отделении работают и те, кто много лет отдал заводу, но расставаться с ним не хочет. Здесь же начинают трудовую жизнь и самые молодые, 15—17-летние.

Мастер этого отделения Анна Алексеевна Колпакова говорит, что она не столько технолог, сколько педагог: молодым надо и прививать технические навыки и воспитывать, приучать к дисциплине.

На этом конвейере работать интересно.

Фото Я. РЮМКИНА.

— Ты тряпочку не двумя пальцами бери, а всей рукой, — дружески советует она девушке, впервые пришедшей в цех. — Руки-то отмоются, а прослывешь неумехой, белоручкой, никаким наждаком не отдерешь...

Я познакомилась со многими работницами цеха и ни разу на вопрос, интересно ли работать, не получила неопределенного ответа: «Ничего». Ответ был вполне определенный: «Конечно, интересно!» Удовлетворенность и за-

интересованность освещают здесь труд каждой работницы.

Сейчас на «Электросигнале» пора новых творческих исканий: завод налаживает выпуск телевизоров новой марки — «Рекорд-64». Первые из них уже пришли в квартиры.

Людям понравилось новое «голубое окно». Оно загорается в домах каждый вечер, открывая мир творческого труда людей нашей страны: артистов и строителей, медиков и монтажников.

Т. ВОЛЖИНА

мящих? Они на два часа меньше работают. А кто за них работать должен? Я? Света? У нас свой процесс. У нас план...

И так привыкли здесь к этому, что Шура Евдошенко, которая ждет ребенка, как о само собой разумеющемся говорит, что не вернется в бригаду: «Кто мне помогать будет?»

Конечно, если каждый за себя, то помогать некому. Ну, а если один за всех, все за одного? Как во многих бригадах, как записано в одной из главных заповедей движения за коммунистический труд?

В других бригадах коммунистического труда сочли бы позором прикидываться: обязана я это делать или не обязана? Выгадаю или прогадаю? Настоящие товарищи не позволили бы себе и другого — злорадного упрека: «Вы план не выполняете, вот и злитесь». Они наверняка поступили бы иначе: достигли успеха сами — предложили бы помощь соседям.

Но в том-то и беда, что не об успехе всего коллектива фабрики, а только о своем собственном привыкли заботиться в бригаде Лиды Марченко. Даже показатели свои скрывают от соседей по цеху, чтоб «они» не узнали, сколько сделано, не сравнили.

Они. Мы. Не на пустом месте роди-

лось это противопоставление. Очень уж хотелось руководству фабрики иметь «благополучную» бригаду. Чтоб ею козырнуть при случае.

— Ну какая это будет бригада коммунистического труда, — говорит директор фабрики Е. Калашникова, — если они план выполнять не будут? А дадим им кормящих — может не быть плана.

Невелика трудность быть первым, когда тебя ставят в особые, наиболее благоприятные условия, когда ты живешь как бы в искусственном климате — ни ветерка, ни дуновения. «Мешают» перевыполнять план кормящие матери — пусть идут в другие бригады.

Бывают месяцы, когда поступает мало заказов. Но и тогда для «показательной» бригады создаются особые условия: сюда передают больше заказов и самые выгодные.

В бригаде полюбили «искусственный климат». Конечно, может быть, про себя кто-нибудь и совестится: нехорошо все-таки, — но вслух об этом не говорят. Объясняют: «У нас не повозмущаешься. А то можно с работы вылететь». К сожалению, основания для таких опасений есть. Все помнят, как работницы бригад дамского пальто написали письмо в свой же фабком с

просьбой оплатить вынужденный простой, и в тот же день многим из подписавших это письмо было объявлено, что они уволены по сокращению штатов.

Удивительно ли, что при такой атмосфере о недостатках на фабрике не говорят вслух?

...Звание коллектива коммунистического труда почетно. Но получить его — это полдела. Куда труднее оправдать его. Ленин призывал бережно обращаться со словом «коммунистический», «признавать это наименование лишь за действительно коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, умение поставить дело коммунистически!»

Если бы девушки из бригады Лиды Марченко почаще задумывались над этими словами Ильича, они помнили бы всегда: высокое звание ударников коммунистического труда не дает никаких привилегий, а обязывает ко многому. Его нельзя получить однажды на всю жизнь. Его нужно завоевывать, подтверждать каждый день всем — своим трудом, своим бескорыстием, своей смелостью.

Н. АЗЕРСКАЯ

Впервые в жизни

Л. НЕМЕНОВА

1

Мы завтракали в кухне, наслаждаясь воскресным днем и печеной картошкой с знаменитой сосвинской селедкой, когда дверь вдруг распахнулась, и в облаке морозного пара показалось румяное лицо соседки, продавщицы Вали.

— Тунеядцев привезли!

Это прозвучало так, словно сюда, в Заполярье, доставили живого тигра или парочку питонов.

Кухня мгновенно опустела. В эту пору здесь каждый новый человек — событие, а уж тунеядцы...

...Они стояли у поселкового Совета среди обледелых, припорошенных сажей сугробов. Сугробы высились, как горы, вздымая острые пики высоко над крышами, и приезжие смотрели на них с нескрываемым испугом. Далеко впереди маячила вышка буровой с красным флажком на макушке. Все остальное вокруг было белое и черное: белый снег, белесое низкое небо, новые, не успевшие еще потемнеть дома и черные дымовые трубы, черные развалы антрацита на обочинах, черные силуэты машин на горизонте...

Тунеядцев было четверо. Один — в зимнем пальто с облезлым котиковым воротником, красноносый, со склеротическими жилками на лице и трясушимися руками — явный алкоголик. Другой, крепкий, широкоплечий, в замшевом полушубке, мог бы показаться красивым, если бы не светлые, пустые, как стакан из-под водки, глаза. Третий, импозантный, седеющий брюнет с благородной внешностью карточного шулера, бурно негодовал.

— Это — насилие! — звучным баритоном кричал он. — Загнали людей на край света, на верную гибель... Мы не выжили к таким условиям! Наконец, с нами девушка!

Она притулилась за углом, где задувало поменьше. Невысокая, в модной полосатой шубе, красных сапожках и мохнатой шапке под цвет сапог. Из-под рыжих заиндевевших волос блестели кукольные, растушеванные глаза. И все лицо ее, круглое, с большим вздернутым носом и лиловыми то ли от краски, то ли от мороза губами, казалось каким-то ненастоящим, словно отлитым из гладкой розовой пластмассы.

Председатель поселкового Совета Васильев, еще молодой краксистый мужчина с обветренным добрым лицом, подошел к четверке.

— Разойдитесь, товарищи, — спокойно попросил он собравшихся. — Прибыли люди на работу, мало ли что... Успеете познакомиться.

2

Лариса лежала на жестком диване между печкой и окном. Один бок немилосердно стыл, другой поджаривался. В машине казалось: едва она очутится на твердой земле — упадет и будет спать, спать... Но сна не было.

За окном бесновался буран. От его яростных порывов тонко звенели стекла. За стеной громко, в три голоса храпели мужчины. Пусть их храпят, не так жутко...

Захотелось курить. Сигареты были в сумочке, а шикарная шведская зажигалка пропала. На подоконнике, кажется, валялись спички. Лариса поднялась, прошлепала по холодному полу, нащупала коробок...

Голую руку обжег холод. На окне со стороны комнаты мохнатился голубоватый налет снега.

И почему-то именно этот нетающий снег в комнате вдруг напугал ее до паники. Словно надвинулись огромные пространства, по которым их везли днем и ночью: облетевшие черные деревья, бурые поля, ночные вокзалы незнакомых городов, грохот и ляг составов... И вот привезли, бросили в черно-белой пустыне...

Она курила и думала обо всем сразу: о буране, о завтрашнем дне, о том, что жизнь кончена. Почему-то вспомнился школьный выпускной вечер, песни на рассвете. Как давно это было! Неужели прошло всего три года?

Чего только не было с ней за эти три года! Когда она про-

валилась в институте, отец решил, что ей надо отдохнуть. Раньше во время длительных командировок отца она жила в интернате, теперь же оставалась в доме одна. Но скоро появились подружки, потом их кавалеры, величавшие себя репортерами и операторами и день-деньской толкавшиеся в комиссионках. Потом...

Все чаще из квартиры Сапожниковых слышался по ночам хриплый лай магнитофона и оголтелое топание. Все чаще стучали в стенку соседи.

Она сама понимала, что добром это не кончится, надо бы хоть устроиться на работу. Но не пойдет же она, нарядная и холеная, ученицей на завод! Постепенно она вынесла из дому ковры, телевизор, холодильник. А потом...

...Когда ее выслали на Север, она не сразу осознала, что произошло. Казалось, что продолжается какая-то затянувшаяся шутка. Сейчас она проснется в своей комнате, и жизнь опять станет легкой и веселой...

Но нет, этого не будет. Кругом только ночь и снег. Интересно, на какую работу пошлют? В крайнем случае можно симулировать — аппендицит, например, или почки... Главное, продержаться первое время. Кое-что припасла: браслет, золотые часики, пару колец. Папаша вытащит. Все-таки единственная дочь.

Лариса вернулась на диван и плотно закрыла глаза. Надо поспать. Этот чудачок председатель сказал, что разбудит завтра в шесть. С ума сойти!

3

Ларису направили санитаркой в райбольницу, в детское отделение. Она раньше и вообразить не могла, что бывает такая работа. Дымящие печи, грязные полы, ворох белья, детский плач и крик... После смены она возвращалась в клетушку, которую снимала у хозяев (с жильем в поселке было туго), и, едва сбросив шубу, валилась на топчан.

Ее спутников направили на буровые, и она осталась совсем одна. Впрочем, Ларису это не трогало. Обитатели поселка, по ее понятиям, были не люди, а «серость», «лапти», «кугуты». Только Вера Ивановна как-то не укладывалась в это определение.

Заведующая детским отделением Вера Ивановна Козлова, гибкая, смуглая, яркая, походила на испанку. Ее прозвали «Кармен».

Лариса дивилась, почему Козлова, такая молодая и красивая, ходит в черном, никогда не появляется в клубе на танцах. Однажды вторая санитарка, болтливая Фоминична, рассказала историю Веры Ивановны. Три года назад погиб ее муж, полярный летчик.

— С тех пор и затворила она свою жизнь, — с какой-то даже гордостью закончила старуха. — Любовь промеж них была необыкновенная...

«Дура! — пренебрежительно подумала Лариса. — Выдумала тоже — любовь до гроба. Уж я бы с такой красотой...»

Но почему-то стала приглядываться к Козловой. Непонятная женщина!

Лариса всегда считала, что работа — это тягостная обязанность, вроде наказания. С удивлением она поняла, что для Веры Ивановны работа — смысл жизни. Случалось, к ним привозили из дальних чумов детей, казавшихся безнадежными, и они вскоре буквально расцветали. Козлова относилась к каждому малышу так, словно он был ее любимым, единственным ребенком...

Иногда в больницу забегал председатель поссовета Васильев. Веселый, заиндевевший, как дед-мороз, он вваливался в приемную и, дуя на замерзшие руки, доставал из объемистой папки лимоны, апельсины или чудо среди полярной зимы — пучок зеленого лука.

— Для ваших цыплят, Вера Ивановна, — объявлял он простуженным басом и, отмахиваясь от благодарности, гулко хлопал дверью.

Встречаясь в клубе, Лариса проплывала мимо Васильева, вызываясь вздернув голову. Ее задевало, что этот светлоглазый человек с обожженным ветрами и морозом лицом смотрел на нее, как на старуху Фоминичну,— приветливо и безразлично. Она много слышала о Васильеве, как он приехал на Север в пятидесятом по комсомольскому призыву, как строил в тундре этот самый поселок. Лариса впервые задумалась: что заставляет людей жить по доброй воле в таком немислимом краю? Ведь есть же теплые моря, ласковые земли... Но одна мысль о теплых краях приводила ее в такое отчаяние, что все остальное сразу забывалось.

4

В больнице Лариса считалась самой нерадивой и непуτευой из санитарок. То рано закроешь выюшку, чуть не уморив детей угаром, то выпустит из «титана» всю горячую воду... Жалобы сыпались без конца. Вера Ивановна хмурилась, но молчала. «Пусть выгоняют! — угрюмо думала Лариса. — Хуже не будет!»

И вдруг случилась эта история с Коленькой...

Ребенка привезли с рыбокомбината в состоянии острого истощения. Мать, пьяница и дебоширка, совсем забросила его. Вера Ивановна осмотрела мальчика. Прописала назначения и позвала Ларису.

— Поручаю его вам, — сказала она и, передав ей с рук на руки маленькое горячее тельце, продолжала обход.

Лариса стояла в замешательстве. Ребенок был так худ и покрыт болячками, что к нему было страшно прикоснуться. И вдруг мальчонка зашевелился. На Ларису из-под покрасневших век глянули светлые, робкие, недетские, измученные глаза. И у Ларисы вдруг дрогнуло сердце.

Теперь она прибегала в больницу за час до смены, чтобы побыть с Коленькой. Умывала его, кормила, а когда малыш начинал заходиться кашлем, — у него был коклюш, — брала его на руки и выносила на улицу погулять.

Заниматься одним Коленькой было неловко, и Лариса волея-неволей старалась, чтобы все дети были накормлены и ухожены. Вера Ивановна редко улыбалась и никогда не хвалила, но Лариса чувствовала: она все замечает. А через месяц случилось чудо — в приемной вывесили приказ: «Объявить благодарность за хорошую работу санитарке Сапожниковой Л. А.»

Лариса долго вглядывалась в тусклые, линейные буквы, удивляясь своему волнению. Это была первая трудовая благодарность, заработанная ею в жизни. Под вечер, когда все разошлись, она вынесла Коленьку в приемную и остановилась с ним у приказа.

— Видал? — спросила она. Мальчишка весело загукал. — Ничего ты не понимаешь, — сказала Лариса, уклоняясь от цепких пальчиков, хватавших ее за нос. — На вот витаминку.

Через два месяца беленький, упитанный мальчик был готов к выписке. Вся больница переживала: неужто ребенка снова отдадут нерадивой матери? И вдруг новость: Вера Ивановна усыновила Коленьку.

Узнав об этом, Лариса отпросилась с дежурства и долго ходила по берегу Оби, скользя стоптанными красными сапожками по обледенелым камням. День был апрельский, ясный, над головой стояло высокое солнце, сосульки, бахромой свисавшие с вмёрзших у берега барж, истекли влагой. И Лариса почувствовала, как у нее внутри тоже тает что-то холодное и тяжелое. Она еще постояла, запрокинув лицо, под солнцем и медленно направилась к дому.

Вечером Вера Ивановна нашла в своем почтовом ящике сверток. Золотые часики, браслет, два кольца. На конверте печатными буквами было написано: «Для Коленьки». Вера Ивановна уложила мальчика спать, спрятала сверток в сумочку и отправилась к Ларисе...

Они подружились. Суровая «Кармен» на поверку оказалась теплым, застенчивым человеком. Ларисе полюбились бывать у нее дома. Они вместе возились с малышом, купали, укладывали его спать, а потом тихонько включали приемник, читали вслух или шили детские одежки. Отрываясь от работы, Лариса оглядывала комнату. Скромная мебель, книжные полки, детский уголок. Над кроватью — портрет светловолосого летчика. Неужели это и вправду бывает — любовь на всю жизнь?

Иногда «на огонек» забегал Васильев. Обязательно приносил что-нибудь вкусное, с благоговением глядел на Веру Ивановну, а встречаясь глазами с Ларисой, краснел и хмурился. «Презирает, — горько думала Лариса. — Ну что ж...»

Зима слиняла. В таянии снегов, в бурных водах разлившейся реки, в пестром ковре цветов, покрывших тундру, пришла заполярная весна.

Наступило знойное комариное лето. В июле из далекого поселка радировали: кишечная инфекция среди детей. Вера Ивановна немедленно вылетела туда, взяв с собой фельдшера и Ларису.

Тундра поразила Ларису. Была в этой суровой земле какая-то особенная красота, ясность, простор. Ей случалось бывать с родителями на Кавказе и в Крыму, но нигде она не видела такого высокого неба, такой яркой зелени, таких тревожных, удивительных закатов.

...В медпункте лежало пятеро ребятшек с явными признаками дизентерии. Козлова стремительно взялась за дело: бактериофаг, сульфопрепараты, профилактика... Лариса впервые работала и за медсестру и за санитарку. Приходилось трудно, очень трудно, но она не жаловалась. Слышать от ненцев почтительное: «Здравствуй, сестра!» — такого она еще не знала.

Они уже собирались домой, когда грянула беда: свалилась Вера Ивановна. Температура сорок, лихорадка, рвота...

Лариса не отходила от нее. К утру ждали самолета. А ночью — кишечное кровотечение. И сердце не выдержало...

Лариса не в силах была поверить, что Вера умерла. Снова и снова грела остывающие руки, подносила к губам зеркальце, стремясь уловить хоть слабое дыхание. Но гладкая поверхность отражала лишь строгие, бледные губы и странно заострившийся нос.

Лариса плохо помнила, что было дальше. Кажется, она топала ногами, кричала, грозила... Собравшиеся в медпункте ненцы следили за ней с молчаливым сочувствием.

Позже пришло тяжелое отчаяние. В самолете и в клубе, где стоял гроб, Лариса, как сквозь мутную пелену, видела множество людей, нелепо пестрые венки и цветы, цветы... Горшки с геранью, примулами, фуксиями. Их принесли женщины, прощаясь со своим врачом. В те дни в домах поселка не осталось ни одного цветка.

Хоронили Веру Ивановну в яркий летний день. Сказали речи, постояли, понурились, и ушли, оставив маленький холмик, алы от герани.

Лариса вернулась с кладбища, забрала Коленьку от соседней, уложила спать и долго сидела, глядя в светлое, нетемнеющее окно.

Как быть с мальчиком? Она знала, что Вера — ленинградка, все родные ее погибли в блокаду. Конечно, ребенка не оставят, но...

Скрипнула дверь. В комнату вошел Васильев с каким-то пухлым свертком в руках. Он был без шапки, глаза заплаканы — то ли от укусов мошки, то ли от слез. Он сел на диван и надолго замолчал.

Мальчик заворочался, захныкал во сне. Оба одновременно вскочили и склонились над кроватью.

— Я ведь за ним, — шепотом сказал Васильев, и Лариса вдруг разглядела, что в руках у него теплое одеяло.

— Не отдам! — яростным шепотом сказала она. — Никому не отдам, слышите?!

Ее решение встретили без удивления и восторга, но Лариса вдруг ощутила, каким животворным может быть человеческое тепло. Очень трудно было ей, высланной сюда за тунеядство, доказать людям, что она хочет и способна воспитать малыша. Но за нее вступились главный врач, парторганизация, Васильев. Ей поверили...

...Утро начиналось на рассвете. Надо было прибраться, вскипятить молоко, умыться и одеть Коленьку. Потом больница, вечером опять сын. И уже после десяти — книги. Она решила готовиться в медицинский, стать педиатром, как Вера...

5

Передо мной два письма. Первое — со штампом большого города. «Лариса! Я наводил справки, выяснилось, что можно будет добиться твоего возвращения. Но я считаю, что ты должна избавиться от этого чужого ребенка. Что это еще за блажь?

Папа».

Второе письмо: «Дорогой папа! Не беспокойся, возвращаться я не собираюсь. Я вышла замуж, и моя фамилия по мужу теперь Васильева. Муж у меня очень хороший, любит моего сына, мы живем дружно и счастливо. Если вздумаешь навестить нас, милости просим. У нас тут хоть и тундра, но очень здоровый климат. До свидания. Привет от моего мужа Володи и твоего внука Коленьки.

Твоя дочь Лариса».

От автора. В этом очерке все правда, кроме фамилий, которые пришлось изменить.

Советские гимнастки, завоевавшие золотую медаль в командном зачете на XVIII Олимпийских играх.

ВОСХОЖДЕНИЕ К КРАСОТЕ

Чуть наклонив голову, она слушала непонятную речь. Когда перевели вопрос, ответила сразу, как привыкла отвечать на экзаменационные билеты. — Брасс — очень красивый, красивый кроль. Раздвигаешь воду, как занавес.

И тут же спохватилась: наверное, Иванова, знаменитого олимпийского чемпиона, который побывал уже всюду и отвечал на вопросы корреспондентов в Мельбурне и Лондоне, Амстердаме и Риме. Иванов кивнул, чуть подмигнув: «Все правильно». Покраснела, как от подсказки. И уже свободнее продолжала: — Кто выиграл? Думаю — Света. Света Бабакина, которая сидела рядом, толкнула ее локтем. — Но я тоже буду стараться, — добавила Напоследок.

Так говорила Галя Прозуменикова на первой в своей жизни пресс-конференции в Токио.

Через три дня она действительно постаралась. Очень постаралась. Зеленоватая вода пеннлась у ее плеч, руки, раздвигая супруге водяные занавески, увлеклись вперед, к белой стенке бассейна.

Позади были все — и Света, и обе очень серьезные худощавые англичанки Слаттери и Митчелл, и экс-рекордсменка мира задорная и неутомимая американка Колб. Но Галя сейчас их не видела, она не оглядывалась.

Севастопольская школьница Галя Прозуменикова первой из всех советских мастеров водных дорожек завоевала золотую олимпийскую медаль. Все казалось сенсационным: и что самая юная спортсменка советской команды добилась того, чего не удавалось на прошлых олимпиадах ее предшественникам, и что она победила с олимпийским рекордом, и что в 16 лет ей присвоено звание заслуженного мастера спорта...

С. БЛИЗНЮК

Золотые призеры (слева направо): Галина Прозуменикова, Ирина Пресс, Тамара Пресс и Людмила Хведосюк.

По вечерам и в воскресные дни очень много в библиотеке-читальне целинного совхоза «Байрам-Али». Сюда приходят и рабочие, и служащие, и студенты, и инженеры, и учащиеся средней школы. Одни — посмотреть свежие газеты, другие — взять книгу любимого писателя, третьи — приготовить уроки.

Здесь нередко устраиваются читательские конференции, тематические выставки новинки художественной и научно-популярной литературы.

На сцене: на первом плане заведующая детским садом-яслями Огульнабат Татова. Стоит справа налево: заведующая библиотекой Дурсун Курбанова, воспитательница детского сада Огульсона Аширова, преподаватель средней школы Магире Садыкова.

Фото В. ЗУНИНА.

Байрам-Али, Туркменская ССР.

Собрались ударники...

Четыре дня в Доме культуры ВДНХ длился учебный семинар ударников и бригадиров бригад коммунистического труда, который проводила в октюре редакция журнала «Работница» вместе с правлением «Советская печать» на ВДНХ.

С докладом об опыте борьбы за высокую производительность труда и внедрение новой техники выступила начальница участка коммунистического труда Ярославского моторного завода М. Шарова. О воспитательной работе в коллективе коммунистического труда рассказала начальник цеха Тираспольской швейной фабрики В. Иванова.

О делах и людях своих коллективов, о некоторых проблемах движения за коммунистический труд говорили и многие другие участницы семинара.

В январском номере «Работницы» мы расскажем о людях, с которыми семинар помог нам познакомиться.

В Токио в одной нашей команде они выступали рядом — героиня Олимпиады в Хельсинки легкоатлетка Галина Зыбина, покорительница Мельбурна и Рима гимнастка Лариса Латынина и вот эта девочка Галя Прозуменикова.

Все разные, но все в момент поединков чем-то похожие друг на друга, хотя никогда не учились, не тренировались вместе.

...Призы Ларисы Латыниной... Никогда еще Латыниной не было так трудно, как в Токио. Строгие и не всегда объективные судьи, ажиотаж, созданный местной прессой вокруг «сверхсильных» комбинаций японских гимнасток. Очень сильные соперницы, на стороне которых были и молодость и совершенная техника. Среди них соперница номер один — чехословацкая гимнастка Вера Чаславска, ученица Евы Босаковой, той самой Евы, с которой Лариса выступала и в Мельбурне и в Риме. Сейчас Босакова сидела на скамейке, а Латынина выступала на помосте. Выступала против ученицы своей давней соперницы и подруги, знавшей Латынину не хуже, чем ее тренеры.

Чаславска — в блестящей форме. Она абсолютная чемпионка Олимпиады. Новый титул уже действует на всех — и на судей тоже.

Начинается розыгрыш медалей в отдельных видах гимнастического многоборья. Волновые упражнения. Высокая, светловолосая Чаславска изящна, смела, пластная. Оценка — 9,633 балла. Высокая оценка! Но после многоборья средний балл у Чаславской ниже, чем у Ларисы. И Латынина знает: ей в произвольных движениях надо выступить не только не хуже, но обязательно лучше.

И вот на ковре, узорчатом японским ковром, слово заговорили украинские полевые цветы. Зрители судьи увидели задористую украинскую дивчину, которая покорила и пленяла красотой, искрометностью и пластичной движеньем.

Так киевлянка Лариса Латынина завоевала самую трудную для себя золотую медаль.

96 медалей, более 600 очков принесли в Токио победу советской команде. Эта победа была создана не только теми, о ком шла речь выше. Сестры Ирина и Тамара Пресс, наши легкоатлетки, тоже героини Токио. И их землячка Людмила Хведосюк, хозяйка самой быстрой олимпийской байдарики, и киевская гимнастка Полина Астахова — все они создавали победу. В Олимпийской книге почета теперь много адресов. Москва и Ленинград, Гродно и Воронеж, Киев и Севастополь.

Восхождение к красоте идет из всех уголков нашей страны. И в этом — один из самых приятных итогов Олимпиады.

Туристы головной швейной фабрики объединения «Восход» в походе.

Фото З. ГОЛУБЧИНА.

Идемте с нами!

Александр РЕЗНИКОВ

Двенадцать лодок, вытянувшись по фарватеру Днепра, медленно плыли вниз по течению. На замыкающей, хвостовой лодке гребла Валя Борисенкова. Она плавно нажимала на весла. Откидываясь далеко назад всем корпусом и тогда видела только небо с низко плывущими облаками. Тело было легкое, послушное. И это ощущение радовало и волновало.

Валя впервые пошла с работницами своей фабрики в поход. До этого ее неделю уговаривала Алла Филиппович, инструктор по физкультуре, а она отказывалась: «На четвертый десяток уж перевалило, а я в туризм вдруг подамся! Это для молодых занятие. Да и грести уж я разучилась...» Но, узнав о том, что идет в поход бригадир Мария Леонова, у которой дочь—невеста, Валя сдалась.

— Разомнемся, бабоньки!— задорно говорила Леонова.— Засиделись мы за швейными машинами. Хоть свежим воздухом подышим!

В лодочный поход отправились человек тридцать, большинство первый раз в жизни. Алла с головной лодки кричала: «Не нажимать, выдохнетесь! Меняйтесь на веслах!» Двадцать километров проплыли незаметно. По дороге, не переставая, пели, шутили, смеялись.

Причалили в живописном заливишке.

Поставили палатки, разожгли костры. Варили походную похлебку, кипятили чай, пекли в золе картошку.

Необычность обстановки действовала на всех. Иногда кто-нибудь из женщин, прервав чистку картошки, вдруг с радостным изумлением оглянется вокруг и воскликнет: «Ой, девчата, красота-то какая!»

У костра просидели до глубокой ночи. А потом, забравшись в спальные мешки, быстро заснули под тихий шепот осенок.

Утром Алла придумала это соревнование: пробежать от палаточного лагеря до Днепра, переправиться на лодках на другой берег, зажечь там костер тремя спичками и назад к лагерю на лодках и бегом.

Валя бежала со всеми. Взглянув на раскрасневшуюся Марию Леонову, не отстававшую от нее ни на шаг, вдруг рассмеялась, поймав себя на том, что поддалась, как бывало в юности, спортивному азарту.

К вечеру отправились в обратный путь. Над рекой стояла тишина, не слышно было ни песен, ни разговоров. Гребли молча, каждая думала о своем.

Валя, ощущая удивительную легкость, размеренно взмахивала веслами. А потом пришла приятная усталость.

Усталость... Когда-то усталости она

не чувствовала совсем. В школе считалась хорошей спортсменкой. Наверное, за выносливость, сноровку в сорок третьем ее, шестнадцатилетнюю девчонку, взяли в бригаду лесорубов. На всю жизнь запомнилась та осень... Освобожденный Смоленск лежал в руинах. Люди жили в землянках. Нужен был лес, много леса. Ее бригада пилила лес в верховьях Днепра. Она помнит, как ломались зубья у пил, натываясь в стволах деревьев на пули и осколки снарядов. Лесорубы волокли здоровенные бревна к реке, делали плоты и гнали их вниз по течению. Плоты грузно оседали в воде. Однажды ее плот вдруг резко остановился. «Мель!»—подумала Валя и опустила шест в реку, чтобы оттолкнуться. Но длинный шест глубоко ушел в воду. Оказалось, что плот зацепился за башню танка. Их много было тогда на дне Днепра. Особенно у Соловьиной переправы. Здесь наши танкисты прорывали немецкую оборону. При виде торчащих из воды неподвижных башен танков с красными звездами тоскливо сжималось сердце.

Валя вся ушла в воспоминания и вздрогнула, когда ее лодка стукнулась носом о борт впереди идущей.

— Борисенкова пошла на таран!— весело крикнул кто-то с лодки. И этот голос всколыхнул тишину вечерней ре-

ки. На лодках заговорили. С головной донеслась записка.

Они подплыли к Смоленску совсем уже затемно. Город приветливо мигал огнями. И Валя подумала: «Вот и кончился этот поход. А жаль...»

* * *

Потом было еще много походов. И на лодках и пешком. И в каждом новом походе становилось все больше участников. Теперь они ходили двумя группами — одну вела сама Алла Филиппович, а другую — Кира Ягодка, модельер экспериментального цеха. А неутомимая Алла продолжала агитировать в цехах. «Все болезни как рукой снимет, — убеждала она тех, кто ссыдался на недомогание. — Вы раз только попробуйте, потом сами проситесь будете».

Ох, эта Алла! Кто-то прозвал ее за стремительный, напористый характер «Метеором». А ведь с приходом «Метеора» и началась настоящая спортивная жизнь на смоленской швейной фабрике «Восход».

...Она пришла на фабрику три года назад и представилась директору:

— Инструктор добровольного спортивного общества «Труд». Буду работать на вашем предприятии.

Директор одобительно окинула взглядом ладную фигуру инструктора в синем спортивном костюме и улыбнулась.

— Это хорошо, что вы собираетесь поднимать спортивную работу на нашей фабрике. Но я должна вас предупредить: задача не из легких. У нас на фабрике мало молодежи. Средний возраст швей — 35—40 лет. Их на физкультуру не очень поднимешь.

— Попробуем поднять. Только сначала надо создать соответствующую базу.

Алла Филиппович положила на директорский стол заранее подготовленный длинный список необходимого спортивного инвентаря.

Начала она с производственной гимнастики. Несколько дней ходила по цехам, приглядывалась к работе швей, утюжельщиц, закройщиц, делала в блокноте зарисовки. Алла обдумывала упражнения, которые были бы наиболее целесообразны для работниц той или иной профессии. Потом посоветовалась с врачами местной поликлиники и разработала несколько вариантов комплекса гимнастических упражнений. С каждой сменой она разучивала упражнения, а потом записывала их на пленку под музыку. В определенное время эта запись передавалась по местному радио.

Вначале работницы, особенно пожилые, к производственной гимнастике относились без энтузиазма. Мастер оставался конвейер, швей собирались группками «побалкачать», а по цеху из репродуктора разносились слова никем не выполняемой команды.

И тут Алла поняла свою ошибку: одной не справиться, нужны помощники. Вскоре в каждом цехе появились инструкторы-общественники. Постепенно в производственную гимнастику втянулись все. В цехах часто можно было

услышать: «А вы знаете, гимнастика-то помогает, меньше стала болеть спина, нет прежней усталости...»

Это была первая победа. Теперь предстояло приобщить работниц к активным занятиям спортом. Нельзя сказать, что на «Восходе» вообще не было спортсменов. Были здесь и любители волейбола, и баскетболисты, и лыжники. Но их можно было пересчитать по пальцам.

Однажды в цехах появились объявления: «1 февраля в городском парке состоятся лыжные соревнования на первенство обкома профсоюза. Каждый цех выставляет команду из десяти человек».

В тот же день к Алле прибежали взволнованные Нина Гурова и Лариса Войтенкова, разрядницы по лыжам.

— Ты смеешься, Алла! Десять человек от цеха! Где же ты собираешься найти столько лыжников? Ведь большинство наших-то швей и на лыжах никогда не стояли.

— Почему ж это не стояли?! У нас многие работницы прежде ходили на лыжах, имели даже спортивные разряды. До соревнований еще месяц, мы потренируемся, — успокоила их Алла. — И вот увидите, наши работницы выступят на соревнованиях не хуже других.

На соревнованиях фабрика заняла второе место. Главным образом за счет массовости.

— Для начала неплохо, а кубки пусть нас подождут, — сказала Алла своим активистам, которые уже без иронии относились к ее планам на будущее. — Теперь попробуем свои силы в соревнованиях на первенство горсовета ДСО «Труд». Но там коньки входят в обязательную программу. Сможем ли одолеть коньки?

Попытались выявить тех, кто занимался раньше этим видом спорта. Таких оказалось человек двадцать.

— Когда-то по Днепру носилась на коньках, мальчишки за мной не могли угнаться, — говорила Мария Леонова. — А сейчас не знаю, сумею ли удержаться на льду. В общем, попробуем, но только одно условие: тренироваться в каком-нибудь укромном месте, чтобы не смеялись над нами.

На этом и порешили. Алла договорилась с дирекцией парка, чтобы им предоставили беговую дорожку в часы, когда на катке бывает мало народу.

И коньки были освоены.

...Алла еще зимой присмотрела этот пустырь за банями, возле фабрики. Когда стаял снег, она привела сюда своих активистов. «Чем не спортивная площадка?» И секретарь комитета комсомола Саша Тормозов тут же предложил: в ближайший выходной день устраиваем воскресник.

Так на фабрике появилась спортивная площадка с беговыми дорожками, секторами для прыжков, волейбольной площадкой. Когда я недавно побывал на фабрике, мне рассказали о строительстве спортплощадки как о далеком прошлом.

Сейчас спортивный коллектив вырос и окреп. Каждая третья работница занимается спортом. Одни — в секциях легкой атлетики, другие — в лыжной, конькобежной, третьи — в волейболь-

ной или туристской. Секции ведут Алла Филиппович и добровольные помощники — швей Лариса Войтенкова, Валентина Борисенкова, Надежда Смирнова, Мария Гриценко, Кира Ягодка и другие.

А у Аллы Филиппович новые замыслы. В этом году она организовала секцию плавания. Работницы фабрики будут заниматься в закрытом городском бассейне. Осенью на спортивной площадке врыли столбы с баскетбольными щитами. С весны начнет работать баскетбольная секция. Нашлись любители шашек и шахмат. Создали свой шахматно-шашечный клуб.

— Спорт — великая вещь, — говорит Алла. Мы беседуем с ней в ее «резиденции» — комнате с высоким потолком без окон, где хранится спортивный инвентарь. — Ведь как наши работницы внешне изменились! Подобраные, стройные. На несколько лет помолодели. В последнее время резко снизилось число заболеваний. И я считаю, что это результат благотворного влияния спорта, производственной гимнастики. А если можно так сказать, «моральные» последствия спорта? Люди стали дружнее, что ли... Ведь взаимная выручка, скажем, в трудном походе переносится и на отношения в рабочем коллективе.

Я слушаю Аллу и вспоминаю о своем недавнем посещении льнокомбината. Он находится совсем рядом, его корпуса видны из окон швейной фабрики. Это — большое предприятие, где работают около восьми тысяч рабочих, в основном женщины. Я побывал во многих цехах комбината, беседовал с прядильщицами, ткачихами... И когда разговор заходил о спорте, все они неопределенно разводили руками. Нет производственной гимнастики. Не работают спортивные секции... На городских соревнованиях по лыжам в прошлом году восьмистысячный коллектив комбината выставил команду из... 12 человек. Есть спортивная площадка. Но она пустует. Есть спортивный инвентарь, но им почти не пользуются.

А потом я долго выслушивал объяснения одного из трех освобожденных инструкторов физкультуры комбината, Феликса Петровича Ерехова. «Производственную зарядку не позволяет проводить специфика производства...», «На комбинате мало молодежи, а с работницами «в возрасте» спортивную работу вести просто невозможно». И еще множество таких же «серьезных» аргументов приводил Ерехов.

Я спрашиваю Аллу, знает ли она о положении со спортом у соседней льнокомбинате. Оказывается, знает. Швей часто ходят в клуб льнокомбината, знакомы со многими ткачихами, прядильщицами.

— Мы над ними шефство решили взять, — говорит Алла. — По спортивной работе.

И они возьмут шефство. Ведь работницам швейной фабрики «Восход» совсем нетрудно доказать, что спортом можно заниматься в любом возрасте, в любых «специфических» условиях производства. Было бы только желание.

г. Смоленск.

«Амо руш—амо роб»

И. БОГОРАД, врач

В городе Бербера, раскинувшись на берегу Аденинского залива, торжественно открывали «Женский клуб». Пригласили и нас, группу советских специалистов, работавших в Республике Сомали по оказанию технической помощи. Вместе с нами сидела член правления клуба, учительница местной школы Фатима.

— Понимаете, — взволнованно говорила Фатима, — первый клуб специально для нас, женщин! Здорово, правда? Теперь мы сможем собираться здесь, заниматься интересными делами. А три года назад об этом и подумать нельзя было. Англичане просто не разрешили бы. Почему? Женщина должна сидеть дома, заниматься хозяйством и присматривать за детьми. И уж, конечно, не думать об общественной работе. Так говорит религия. А колонизаторам это было выгодно. Теперь все по-другому. Какие у нас планы? О-о-о! Будем учить неграмотных, проводить беседы, рассказывать женщинам о Советском Союзе, будем учиться готовить вкусную пищу. Планов много. Я уверена, мы все сделаем, только надо энергично взяться.

Через несколько дней активистки клуба, молодые девушки, пришли к нам с пачкой билетов. Они приглашали нас на концерт учащихся школ в пользу беженцев из Французского Сомали. В сквере, где проходил концерт, собралось много народу. Мальчики и девочки, смущенные непривычной для них обстановкой, пели народные песни и танцевали. Черноголазые ребята были одеты празднично.

Пожилой грузчик Абдурахман Хуссейн, оказавшийся моим соседом, внимательно слушал выступавших, долго аплодировал, шумно выражал свое одобрение.

— Удивительно, нет, просто удивительно! — шептал он, наклоняя ко мне. — Смотрите, мои дети поют, как настоящие певцы. Они даже умеют читать и писать.

Это чудесно! А знаете, что сказала моя жена сегодня? — Он посмотрел в сторону сидевшей рядом молодой женщины с седой в пышных выющихся волосах. — Она сказала: «Может быть, это нехорошо, что наши девочки будут петь перед всеми? Не пойти ли мне поговорить с муллою?» Вы не удивляйтесь. Прошлое дает себя знать. Знаете, мы несколько лет не могли пожениться, пока я не заработал денег. Тогда я купил маленькое стадо овец, чтобы заплатить за жену. Я никогда не держал в руках карандаша. А вот мои дети учатся.

Всего только четыре года существует молодое независимое государство, а новое видно во всем!

На дороге Бербера—Шейх мы однажды остановились у приткнувшейся к обочине машины и предложили помочь шоферу, который, видимо, давно и безуспешно пытался запустить мотор.

Вдруг слышу: «Здравствуйте!» — произнесенное на русском языке. С удивлением оборачиваюсь. Молодая девушка в красивом национальном платье протягивает мне руку. Оказывается, эта девушка — ее зовут Фалума — учится в Баку в медицинском институте. Домой она приехала только на каникулы. Пока наш шофер возился с мотором, она с увлечением рассказывала о своих поездках по нашей стране, о том, как хорошо относятся к африканским студентам советские люди.

— А ведь я немножко боялась ехать, — помолчав, сказала она. — Кое-кто выдумывает небывлицы, пугает нас Россией. Теперь я убедилась, какой это вздор. — И добавила: — У нас в народе говорят: русские и сомалийцы — братья. Как это правильно!

Такие встречи в Сомали теперь не редкость. Немало сомалийских юношей и девушек учится в Советском Союзе. Пройдет немного времени, и они вернутся домой с дипломами советских вузов.

В Сомали мне пришлось работать в Берберском госпитале. Это единственное на весь город лечебное учреждение обслуживал раньше всего один врач — индус Мирани. Амбулаторию госпиталя посещало в день более ста человек. Люди приходили из города, приезжали из дальних деревень. Госпиталь, оставшийся в наследство от колониального режима, оснащен был плохо, не хватало самых необходимых медикаментов. Триста коек всегда были заполнены. Впрочем, удивляться не приходится — следы страшного прошлого встречаются на каждом шагу. Колонизаторам не было дела до здоровья народа. На тысячи километров вокруг нельзя было найти врача.

Здесь, в госпитале, я познакомился с замечательными людьми. Расскажу о медсестре Шукри. Эта молодая женщина исключительно чутка к больным, исполнительна и точна в работе. Родилась она в маленькой деревушке близ городка Бурао. Все ее семь младших сестер и братьев умерли от болезней и голода.

— Больно вспоминать, — рассказывала Шукри. — У отца было несколько овец, и однажды, когда он гнал их вечером домой, английская машина на полном ходу врезалась в наше маленькое стадо. Чудом отец уцелел. А шофер, словно в насмешку, бросил ему под ноги недопитую бутылку виски. Мне тогда было девять лет, и я на всю жизнь запомнила этот случай. С трудом я нашла работу — носила воду в тяжелых металлических банках. За это мне давали немножко еды. Я приносила ее домой, чтобы разделить на всех. Отец сильно кашлял уже несколько лет, наверное, у него был туберкулез, а для лечения в госпитале не было денег. Он умер. Потом умерла и мать. Когда мы узнали, — продолжала Шукри, — что пришел конец хозяевам-англичанам, я приехала в город. Меня приняли в медицинскую школу.

Конечно, Сомали — еще очень бедная страна, но теперь мы сами хозяева и скоро будем жить совсем хорошо.

Теперь в Сомали бесплатное медицинское обслуживание, каждый может лечиться, не беспокоясь о том, хватит ли у него денег заплатить доктору.

Советский Союз, глубоко понимая нужды республики, направил в Сомали большую группу врачей, — уже три года они работают в самых глухих уголках республики, там, где до них единственным исцелителем считался шаман.

Полтора года назад было начато строительство двух госпиталей — дар Советского государства народу Сомали. Госпиталь в городе Шейхе открылся в марте этого года. Он оборудован новейшей аппаратурой и инструментарием, сделанными на советских заводах. Закончилось строительство и второго госпиталя — в Уоджиде.

...Сомалийские женщины красивы. Высокого роста, с правильными чертами лица и грациозной походкой. Чаще всего женщины носят национальные, длинные, до земли, платья и непременно накидку из прозрачной кисеи. Лицо не закрывают. Только вышедшие замуж за арабов носят черную одежду и прикрывают лицо.

Но религиозные обычаи и обряды еще властвуют над людьми. На севере довольно распространено многоженство.

Утром в городе можно часто наблюдать такую картину: две-три женщины медленно идут одна за другой. В руках узелки, кастрюльки, термос. Это жены — старшая впереди, младшая позади — несут завтрак мужу, который работает где-либо в порту, на электростанции, в авторемонтных мастерских.

В Берберском кинотеатре места для женщин отгорожены барьером в углу зала, дальнем от экрана.

И все же ростки нового все решительнее пробиваются в жизни сомалийской

женщины. Но ломка отживающего, старого не всегда, как известно, безболезненна. Однажды в Харгейсе, бывшей столице английского протектората (так называлась северная провинция Сомали), я встретил своего знакомого Абдуллахи Нуура, рабочего бензо-заправочной станции. На традиционный вопрос: как дела? — Абдуллахи вздохнул и покачал головой: плохо, мол. Оказывается, его жена, с которой он жил в согласии долгое время, решила пойти учиться грамоте. Несколько дней ссорились супруги, но Абдуллахи был непреклонен: женщине не нужно учиться, не ее дело читать газеты. Жена же поставила условие: если Абдуллахи не согласится, она уйдет к своим родным.

— И вчера ушла,— горько вздыхает Абдуллахи.— Теперь мой дом пуст.

Работа в Сомали познакомила нас со множеством людей, и всюду нас встречали радушно и гостеприимно. Не знаю, где родились слова, которые уже стали поговоркой у сомалийцев, но мы неоднократно слышали их от стариков и молодежи, от школьников и совсем маленьких ребятшек, едва научившихся произносить первые слова: «Амо руш — амо роб» — «Русские — это дождь». Смысл этих слов понять нетрудно. Дождь в пустыне приносит жизнь, о нем мечтают все, его ждут как большой праздник.

Проезжая как-то через одну из маленьких деревень, затерявшихся среди просторов саванны, мы остановились выпить по чашечке чая. Хозяйка усадила нас за широкий деревянный стол на улице в тени дома. Разговорились. А на противоположной стороне улицы, на пороге маленького домика, сидела старая женщина. Защищая глаза от солнца, она внимательно наблюдала за нами. Потом медленно встала, опираясь на палку, и, тяжело ступая, подошла к нам. В руках она держала жестяную кружку.

— Много белых проезжало по этой дороге,— сказала она,— но они приносили нам только горе и несчастье. Моего мужа убили англичане. И дом мой уже много лет не посещает радость. Вы первые белые, пришедшие к нам с сердцем, полным добра. Прошу вас, выпейте это верблюжье молоко. И пусть аллах благословит ваши добрые дела. Спасибо вам.

В Конго

Эта женщина никогда больше не увидит своего сына. Его звали Патрис Лумумба. Он был убит предателями, которые до сих пор пытаются поставить на колени конголезский народ, бросают патриотов в тюрьмы, расстреливают, сжигают заживо.

Еще недавно в Конго разыгрывался фарс, в котором преступления марионеток переменялись лицемерными речами о «новом Конго».

Сейчас эта страна переживает трагедию. Убийцы сбросили маски. Речей больше не слышно, их заглушают разрывы бомб и пулеметные очереди. Да и к чему слова? Кто поверит Чомбе, которому не доверяют даже его хозяева — американцы и бельгийцы? Кто поверит министру внутренних дел Годфруа Мунонго, которого обвиняют в непосредственном убийстве Лумумбы? Каждому ясно, что не о «новом Конго» пенутся наемные головорезы и американские солдаты, а о восстановлении старых порядков, чтобы иностранные монополии могли, как и прежде, грабить народ. Но этому не бывать!

Конголезские патриоты с оружием в руках встали на защиту своей свободы. На их стороне вся Африка, все честные люди земли.

...А малыш мирно спит на руках у матери. Он еще увидит новое Конго, отвоеванное теми, кто пал и кто борется за счастье своего народа.

Б. ТУМАНОВ

Фото Н. ХОХЛОВА.

Филипп

Иоан ГРИГОРЕСКУ

Рассказ

Птица внушала страх. Это был горный пиренейский орел с темно-синим клювом, изогнутым, как лезвие серпа, и твердым, как кремль, с твердыми, почти окаменелыми когтями и серыми тяжелыми крыльями; опущенные, они напоминали латы, скрывавшие под оперением гибкость и твердость стали. Голая красная шея была усеяна синеватыми и кроваво-красными бусинками, проступавшими на толстых, дрожащих венах, в которых бурно пульсировала жизнь. Голова у орла была плешивая, подвижная, высоко поднятая, и всем своим видом он походил на старого, но еще крепкого и мудрого предводителя пиратов.

Однако тот, кто повнимательнее приглядызался к нему, замечал в его взгляде невыразимую грусть, как у собаки, потерявшей хозяина, или у каторжника, который давно покорился своей участи. Но большинство людей, проходивших мимо клетки, видели лишь величавую надменность плененной птицы, ее силу и дикость, свирепый клюв, созданный, чтобы умерщвлять.

И только одно человеческое существо сумело постигнуть истинный нрав горного хищника, отважилось проникнуть в его владения, обнесенные решеткой и колючей проволокой. То был мальчуган на вид лет шести-семи, хотя на самом деле ему исполнилось девять, тщедушный, с осунувшимся, веснушчатым личиком и тонкими ручками, хрупкими, как веточка, выросшая из ствола, который никогда не знал солнца. В его больших, с влажным блеском черных глазах затаилась печаль. Острая, слишком большая голова мальчика словно чудом удерживалась на тонкой шее, настолько хрупкой, что орел мог бы одним взмахом сломать ее. Он носил парусиновую курточку, серую рубашку и короткие штанишки.

Мальчик знал всех зверей в Брюссельском зоопарке, знал их по имени и даже изучил их привычки и причуды. К пиренейскому орлу он подошел, замирая от страха. Но, взглянув в глубину грустных, покорных глаз птицы, понял, что нечто непонятное связывает его с нею. Он никогда не смог бы сказать, что именно неудержимо влекло его сюда каждый день и что заставило его однажды утром открыть эту железную дверь и очутиться в узком дворике. Сердце у него бешено колотилось, ноги дрожали, но он не мог оторвать глаз от птицы, которая беспокойно озиралась по сторонам, и раздраженная тем, что нарушили ее уединение, с ожесточением царяла сухое дерево, вырывая из него щепки. Мальчик понимал, что грозный орел, на которого все посетители зоопарка взирали с почтительным страхом, может сейчас наброситься на него, но не мог найти в себе силы, чтобы повернуться и уйти. Он остановился у решетки и присел, съевшись, на землю, покрытую пометом и кусками сырого мяса. Наконец орел начал понемногу успокаиваться. Тогда мальчик поднялся, медленно подошел к птице и заговорил так, как научился говорить с животными, среди которых вырос:

— Меня зовут Филипп... А тебя как? Ты сильный и красивый, ты не такой слабый, как я... А может быть, ты тоже больной? Почему ты не нападаешь на меня? У тебя нет имени, но я могу тебе дать свое имя. Хочешь? Тебе нравится имя Филипп? Мне очень хочется стать таким же сильным, как ты... Филипп!

В этот миг снаружи послышались громкие ругательства. Мальчик тотчас узнал голос своего отца, смотрителя за животными, который грозился изувечить сына всякий раз, когда заставал его в какой-нибудь клетке.

— Филипп! Убирайся отсюда, злодей, не то я тебя в порошок сотру... Всю душу ты из меня вымотал, несчастный, из-за тебя я ужогу а тюрьму!

С этими словами отец Филиппа, здоровенный валонец, способный взвалить на спину, пожалуй, целого слона, бросился к клетке. Однако войти туда не осмелился. Орел распустил крылья, спрыгнул с деревянного помоста и бросил угрюмый взгляд на разъяренного человека. Несколько секунд они смотрели друг на друга, готовые к нападению, — рыжий человек с широкой, как щит, волосатой грудью и могучий царь птиц с глазами, в которых отражалась серая проволока может оказаться

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

недостаточно прочной, чтобы выдержать яростный натиск орла. Валонец обернулся к сыну, который молча следил за происходящим, и принялся увещевать его уже несколько спокойнее:

— Послушай, Филипп! Выходи оттуда, не шути с этим зверем! Выходи же, пока не поздно!

— А ты не станешь бить меня? — тихо спросил Филипп и посмотрел на орла, который тяжелыми прыжками взбирался по деревянной лесенке.

— Ничего я с тобой не сделаю, несчастный.

Ребенок выскользнул наружу, а орел опять вернулся к обычному своему состоянию — полной достоинства апатии.

Филипп рос среди клеток с дикими зверями. Отец его, один из самых старых и опытных смотрителей Брюссельского зоопарка, с малых лет приучил мальчика к повадкам своих питомцев, словно собирался сделать его достойным преемником той славы, которой пользовался у посетителей. Однако валонца раздражала хилость сына, слишком слабого и слишком робкого, чтобы суметь когда-нибудь подчинять своей воле хищников. Но с этим уж ничего нельзя было поделать: ребенок родился таким. Мать его умерла при родах, и казалось, младенец был соткан из едва слышных стонов умирающей. Мальчик остался жить, не зная материнской теплоты и ласки, рядом с суровым рыжим великаном.

Филипп стал каждый день заходить в клетку орла. Постепенно он подружился со своим крылатым тезкой, и валонец вынужден был сдаться: он понял, что между этими двумя существами — огромной птицей, внушавшей страх одним своим видом, и тщедушным маленьким человечком — установилась загадочная связь, в тайну которой невозможно проникнуть. Орел настолько привык к своему новому другу, что не хотел принимать другой пищи, кроме той, что приносил ему Филипп. Это выводило валонца из себя. В конце концов пришлось доверить ребенку уход за орлом. Про себя же смотритель ре-

— видите ли... это надо спросить у администрации. А за чем он вам понадобился?

— Мы будем снимать его, сударь,— вмешался второй господин.— Вы бываете когда-нибудь в кино? Бываете, не так ли? Так вот мы делаем фильмы... Маэстро представляет фирму Ламбиллиоти, я режиссер Гонсалес. «Фиалки с мышьяком», «Ночи любви Лукреции Борджиа», «Люблю Тутанкамона»... Вы, конечно, видели эти мои фильмы? Так вот, этот орел необходим для одной сцены в нашем новом фильме. Мы, разумеется, оплатим...

— Но как же вы извлечете его оттуда, господи? Обратите внимание, с каким угрожающим видом он смотрит на нас!— сказал шофер.

— Послушайте, сударь,— вмешался второй господин, подходя к валонцу.— Сколько вы получаете в месяц?

— Две тысячи франков.

— Маэстро даст вам три тысячи. Извлеките эту птицу из клетки и привезите к нам на студию. Мы оплатим любой риск...

— Три тысячи?

— Три тысячи.

— Филипп!— заорал валонец.— Где ты, злодей? Филипп! Слышишь, несчастный? Господа дают нам четыре тысячи франков за то, что мы повезем этого уroda сниматься в кино! Филипп!

— Три тысячи пятьсот, сударь,— примирительно вставил «маэстро».— Вы человек неглупый. Три тысячи пятьсот, если съемка состоится сегодня. Это значит, что орел должен быть у нас самое позднее через час. Согласны?

— Конечно! Прибавьте еще пятьсот франков, и орел будет у вас через полчаса. Вот только разыщу этого проклятого Филиппа. Филипп! Куда ты девался?

Мальчик робко подошел к отцу. Посмотрел на своего друга и понял по его возбужденному состоянию, что происходит нечто необычное.

— Войди в клетку и вытащи оттуда орла по-хорошему... Или ты хочешь, чтобы я сам достал его сеткой, как собаку? Слышишь, несчастный? Господа дают нам четыре тысячи франков... Ну, чего же ты ждешь?

Филипп нагнулся и вошел во дворик, обнесенный проволокой. Ему нравился шурующийся восторг белокурой барышни, которая не переставала восклицать и хлопать в ладоши. По ее просьбе он даже приподнял одно крыло орла и раздул на нем перья.

Крыло имело в длину около двух метров.

— Это великолепно, господи, это восхитительно!— стонала блондинка, а режиссер и «маэстро» делали друг другу многозначительные знаки.

Филипп привязал к ноге орла толстую нейлоновую нитку и потащил его к машине с зарешеченными окнами. Птица

...ими вескими доводами и ругательствами валонца, который, увидев, что сработок его в опасности, схватил ребенка за плечи и увел подальше от места съемок.

Наступила мертвая тишина. Слышалось только жужжание аппаратов и прожекторов.

Раздался выстрел, оглушительный, как удар грома.

Но орел не взлетел.

Он так яростно царапал когтями ветку, что кора мелкими щепками разлеталась по земле, распущенные крылья судорожно поднимались и опускались.

— Сто-о-оп!.. Прекратить, идиоты! Разве вы не видите, что он глухой?

— Подозрительно, господи! Неужели орел может оглохнуть?— удивился шофер.

— Нет, он не глухой!.. Он не глухой! Напрасно вы так говорите!— закричал Филипп и, вырвавшись из рук оторопевшего валонца, бросился к чинаре.

Мальчик приставил ладони ко рту и позвал:

— Филипп!.. Филипп!..

Услышав голос друга, орел повернулся к нему.

— Видели? Он не глухой, господи, разве я стал бы брать деньги за плохой товар?— сказал валонец.

— Повторите! Попробуем еще раз. Стреляйте! Он должен полететь!

— Пусть принесут еще один револьвер. Стреляйте сразу из двух!— распорядился «маэстро».

Принесли еще один револьвер, не обращая внимания на жалобы Филиппа, который боялся, чтобы пуля не задела его любимца.

Снова раздался выстрел. Орел вздрогнул, оцепенев на мгновение, словно задерживая свое падение, потом с остервенением стал раздирать клювом сухую ветку. Он не был ранен, но по какой-то непонятной причине отказывался лететь.

Тогда внизу все страшно засуетились. Люди стреляли, свистели, кричали, стучали, поднимая невообразимый шум, а валонец, красный от гнева, швырял в орла камнями, стараясь угодить ему в голову.

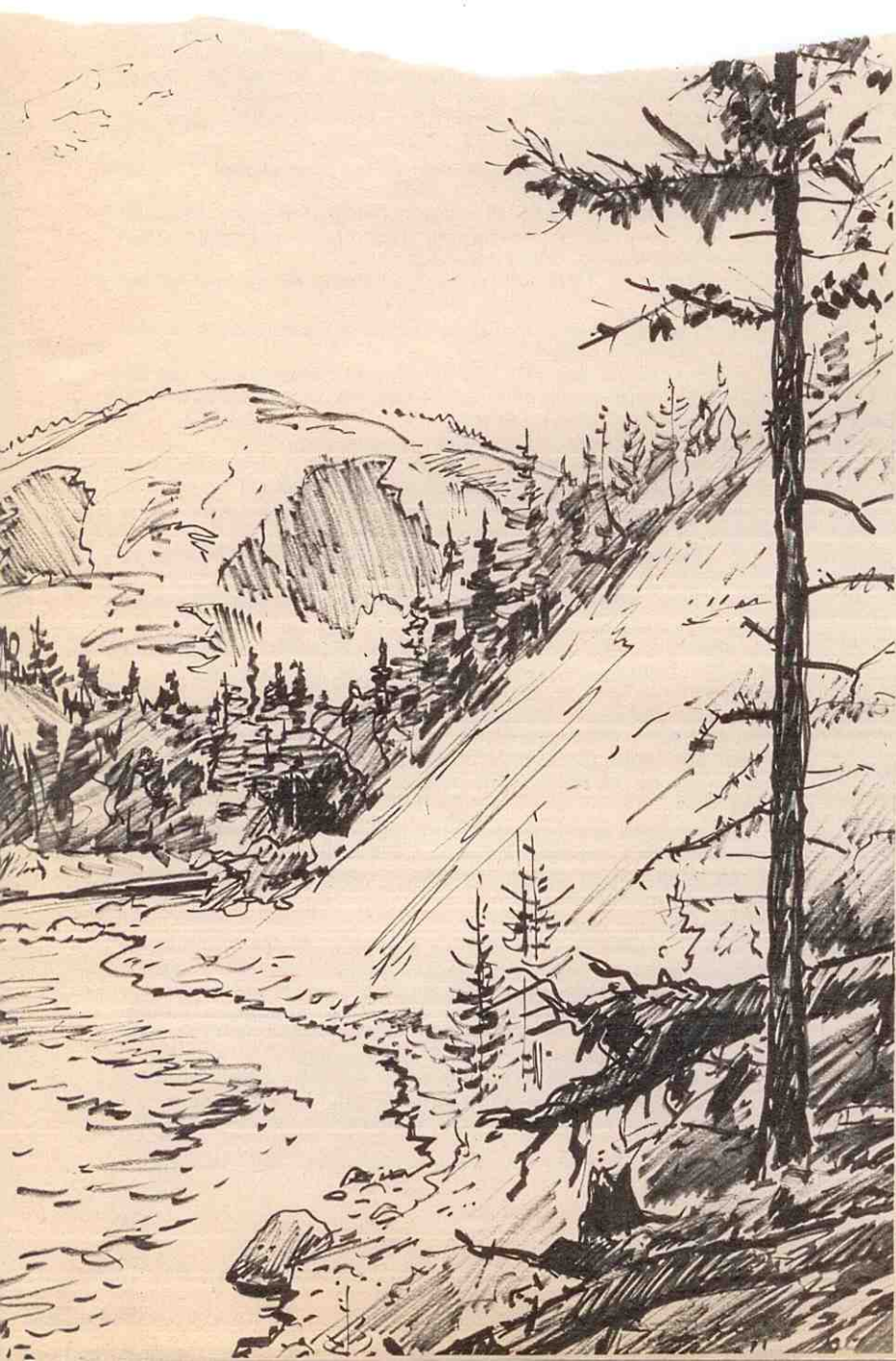
Но все было напрасно.

Опять принесли пожарную лестницу. Филипп, заливаясь слезами, влез на дерево и забрал своего крылатого друга.

Они снова сели в машину с зарешеченными окнами и, сопровождаемые ругательствами валонца, отправились домой. Орел съехался в углу, вытирая о перья окровавленный клюв и царапая когтями металлический пол машины.

Филипп смотрел в глаза птицы, в которых будто отражалась серая бездна, и не мог заставить себя поверить в то, что сумел понять только он один: орел разучился летать.

Перевела с румынского ТАТЬЯНА ХАНС.

«Зю...

согласится, что не зря получила эта земля свое звонкое имя. Прекрасен Алтай, край контрастов. Край могучих горных кряжей и широких степей.

И все-таки из этой поездки я привез больше всего портретов. Это, наверное, не случайно. Столько было интересных встреч на дорогах: в поле и в цехе, на стройке, в парткоме завода и в юрте чабана, — что удержаться от набросков было просто невозможно. О том, как создавались некоторые мои алтайские работы, помещенные на этих страницах, я попытаюсь рассказать.

...С крыши нового корпуса открывается панорама большого Барнаульского химического комбината. Лена Мухтарулина, сопровождавшая меня, отлично знает комбинат: ведь она одна из его создателей, а сейчас еще и комсорг. Лена родилась в победном 1945 году, ей не пришлось пережить тягот войны, к счастью, на ее долю выпали лишь победы нашей мирной жизни. Я и нарисовал ее такой — гордой, уверенной в своем завтрашнем дне.

...Рубцовск. Его можно назвать городом-заводом. Здесь находятся заводы тракторного электрооборудования, тракторных запасных частей, «Алтайсельмаш». Марка Алтайского тракторного широко известна в стране, особенно на целине. Не раз рисовал я трактористов рядом с тракторами «АТЗ».

20 лет в литейном цехе «Алтайсельмаша» работает Матрена Дорохова. Я познакомился с ней, и мне захотелось написать портрет этой скромной труженицы, серьезной и отзывчивой женщины.

...Медленно движутся отары овец по степи. Тянутся, переливаясь, до самого горизонта, как волны на море. А в небе плывут стада облаков, чем-то похожие на овец. Я побывал в гостях у чабанов. Среди моих рисунков есть портрет Валентины Владимировны Верейкиной, отличного стригателя госплемзавода «Овцевод», где разводят знаменитую алтайскую тонкорунную овцу. Валя молода,

но уже получила премию за отличную работу. Еще школьницей помогала она старшим в работе. Присматривалась, училась.

...Лента дороги то взбирается на перевалы к самым облакам, то бежит степью. Это и есть Чуйский тракт. По нему мы добираемся до колхоза имени Ленина в Джасатере.

Три месяца в году связан этот колхоз с внешним миром. А осенью, когда на перевалы ложится снег, проехать становится невозможно. Связь осуществляется лишь по радио, правда, в случае особой нужды можно воспользоваться самолетом.

Колхоз имени Ленина — скотоводческий. Круглый год чабаны пасут скот по склонам гор. А в это время их детишки живут на центральной усадьбе и учатся в восьмилетней школе-интернате. Число

питомцев интерната год от года растет. Поэтому уже сейчас здесь строится новое здание интерната, старое будет переоборудовано под школьные мастерские.

Однажды, когда я бродил по поселку, мне встретилась женщина, окруженная стайкой черноглазых ребятишек. Это была Лидия Сапановна Миирманова, учительница и воспитательница интерната. Лидию Сапановну любят и уважают не только дети, но и взрослые. Портрет Лидии Миирмановой — учительницы и студентки-заочницы педагогического института в Горно-Алтайске — вы также увидите на этих страницах.

Много людей повстречал я на Алтае. Люди разных профессий, разных возрастов, разных характеров, старожилы и новоселы — все они созидатели новой жизни на древнем Алтае.

Лидия Миирманова.

Валентина Верейкина.

Матрена Дорохова.

Е. ЗАРУДНАЯ-КАВОС.

ПОРТРЕТ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.

Государственный центральный театральный музей
имени А. А. Бахрушина.

В ЖЕСТОКОМ МИРЕ

(К столетию со дня рождения В. Ф. Комиссаржевской)

Александра БРУШТЕЙН

Сто лет прошло со дня рождения великой русской актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской.

Столетие — срок, достаточный для того, чтобы творческий человек — актер, писатель — предстал перед потомками с полной отчетливостью. Все случайное, не очень значительное в его творчестве с годами улетучивается, как пустая полова, отметаемая ветром истории. Все ценное, весомое остается, отложившись добрым золотистым зерном. Так встает перед нами сегодня творческий путь Комиссаржевской, короткий и одновременно огромный. Отгремели сопутствовавшие ей при жизни яростные споры с бряцанием скрепяемых мечей и копий. Стихли штормы ее жизни, такой горестной и в то же время такой ослепительно счастливой. Кончились ее личные страдания. И над всем этим поднялся и засиял человеческий и творческий облик актрисы, необыкновенно чистый и привлекательный.

Комиссаржевскую называли «актрисой из жизни», так как пришла она в театр не из актерской школы. Но определение это было не совсем правильным, ибо Комиссаржевская не была самоучкой: голос ей ставил отец, известный певец Ф. П. Комиссаржевский, а драматическому искусству учил ее великий русский актер В. Н. Давыдов. Но слова «актриса из жизни» были законными и правильными потому, что Вера Федоровна в самом деле пришла на сцену из самой гущи жизни, успев хлебнуть немало горя. Она не столько пришла к театру, сколько бросилась к нему в смертельную тоску и ужасе перед жестокостью окружавшего ее мира, как к прибежищу, некоему спасательному кругу. Неприятие этого мира она очень скоро и забываемое сильно стала переплавлять в творчество...

Но «актриса из жизни» означало еще и другое. Именно из жизни тех последних лет XIX века принесла Комиссаржевская в театр то, что было воздухом и смыслом для лучших людей России: предчувствие близкой революции 1905 года, неодолимая тяга к ней, готовность к борьбе, негибкая воля и гордость. Эти черты лежали в основе ее личности и ее творчества, они определили ее жизнь, и, может быть, именно за эти качества так безоговорочно поверила в Комиссаржевскую, так горячо и преданно полюбила ее революционная молодежь.

Вера Федоровна не раз говорила: «Я хочу идти с веком наравне!» Это стремление, общее для всех передовых людей, Вера Федоровна понимала так: непрерывно работать, постоянно расти духовно, учиться и с величайшей требовательностью совершенствовать свое мастерство. Так она поступала, так жила. Начав с ролей в «водевиллях с пением», она как-то очень быстро совершенствуется в комедийных, а потом и драматических ролях. Затем, не оставляя прежнего репертуара, пробует себя в трагедии и с первой же роли (Гретхен в «Фаусте») обнаруживает редкий трагический дар.

В последние годы своей жизни Комиссаржевская окончательно утверждается как великая трагическая актриса.

Три первых провинциальных сезона (Новочеркасск и Вильно) были для Веры Федоровны как радостное, безоблачное утро, согретое успехом и горячей любовью зрителей. К концу третьего сезона, весной 1896 года, молодой актрисе предложили дебют в Александринском театре в Петербурге. Дебют прошел с

громкими успехом, и вот Комиссаржевская — артистка императорского театра, прославленной Александринки! Лучше этого да московского Малого в тогдашней России театра не было. В них принимали только превосходнейших из превосходных. Попасть в число этих счастливых было мечтой всех актеров: это давало прочное положение, материальную обеспеченность, избавляло от вечных скитаний по театральной провинции.

Но Вера Федоровна принесла «из жизни» в театр боевой дух прореволюционной эпохи. Бесполокная, непокорная, она не хотела угодить, не умела мириться с несправедливостью. Из-за этого путь Комиссаржевской, который иные сочувственные к ней критики называли «скорбным», даже «крестным путем», никогда таким не был: это был в полном смысле слова БОЕВОЙ путь. Маленькая, хрупкая женщина была воином, непримиримо борющимся за правду.

Все это, однако, выяснилось не сразу. Поначалу была, казалось, только удача. Комиссаржевская влетела в Александринку, словно на ковре-самолете. Это ли не удача? Ее с первых ролей полюбил зритель, молодежь встречала ее громом оваций. Это ли не сказка?

К сожалению, не все было, как в сказке. Не было, например, часто встречающихся в сказках вещей каменных, предохраняющих добрых молодцев от опасности: «Налево пойдешь, сам пропадешь, направо — коня потеряешь!» Легко переступила Комиссаржевская роковой порог... Но то, что ожидало ее здесь, оказалось, по ее собственному признанию, «хуже смерти».

Травлю Комиссаржевской в Александринке не следует объяснять, как это нередко делалось, одной только завистью и соперничеством другой актрисы. Конечно, было и это. Но в основе лежала борьба двух непримиримых идеологий. Вера Федоровна была здесь чужая. Она пришла не просто «из жизни», а из другой жизни. Все в этом театре было враждебно тому, что она любила, считала хорошим и достойным.

Александринка была императорским театром, созданным для «Высочайшего двора», царской фамилии и придворной знати. Александринка превыше всего ставила «царскую службу», Комиссаржевская — служение искусству. Им было не по пути. В придворном театре она оказалась не ко двору.

Играть ей было почти нечего. Несмотря на наличие в труппе превосходных актеров, классика была в Александринке не в чести. Шекспир, Мольер, Шиллер, Гюго были там редкими гостями. Даже Островского и Гоголя играли не часто. Основу репертуара составляла развлекательная салонная пошлятина.

Среди этой безотрадной пустыни, грозившей гибелью таланту Комиссаржевской, возник однажды оазис великолепного актерского счастья: чеховская «Чайка», в которой Вера Федоровна создала нетленной и немеркнувший образ Нины Заречной.

До этого она переиграла множество девических ролей. Это были Клерхен из «Гибели Содомы», утопившаяся из-за поруганной любви; тургеневская Верочка из «Месяца в деревне», любовь которой была растоптана по прихоти скачущей барыньки; Лариса, раненная насмерть страшным открытием, что бесприданница — только вещь, которую может купить всякий, кому она придется по вкусу и по карману. Но и Клерхен, и Верочка, и Лариса были лишь жертвами жестокого капиталистического мира. В этих ро-

лях вдохновенная игра Комиссаржевской мучительно волновала, ставя перед зрителем неумолимый вопрос: «Где выход?» В «Чайке» — Нине Заречной — Чехов увидел и показал то новое, что уже появилось в характере русской девушки: несчастная любовь не убивает ее, а заставляет бороться, расти, превращать страдание в творчество!

Не на радость, а на беду залетела чеховская «Чайка» в роскошный красный с позолотой зал придворного театра. Эта пьеса требовала для своего воплощения более тонких режиссерских решений и была предназначена для тонко чувствующих зрителей. Ни того, ни другого не было в тогдашней Александринке. Не случайно «Чайка» провалилась. В спектакле была только Нина Заречная — Комиссаржевская. Встреча с «Чайкой» раскрыла актрисе глаза: вот что надо играть! Вот что надо нести зрителю! Но то, что хотелось, играть было невозможно.

И вот пронеслась весть: Комиссаржевская ушла из Александринки. Это не было капитуляцией. Это был смелый, дерзкий шаг! Вера Федоровна ушла потому, что не могла, не пожелала оставаться.

Но что делать дальше? Комиссаржевская понимала: в казенном «императорском» театре не может быть свободного искусства, а во всех остальных театрах тогдашней России — частновладельческих, коммерческих — не может быть искусства бескорыстного. Значит, надо самой, своими руками и силами создавать, строить театр, свободный от полицейского произвола, независимый от хозяйского кармана. Приняв это решение, Комиссаржевская отправилась на два года в гастрольную поездку по России собирать деньги для создания «настоящего» театра.

Цели она добилась: театр появился. Вера Федоровна объединила в нем отличных актеров, режиссеров, художников. Ее театр подружились с лучшими писателями. В театре не было старых театральных язв — пренебрежения в труппе и салонной пошлости в репертуаре. Театр был передовой, поначалу даже революционный. Сама Вера Федоровна создала в нем ряд образов, обессмертивших ее имя...

Что ж, счастливый конец?

Нет. К сожалению, нет. Почему?

В самом стремлении Веры Федоровны создать «настоящий» театр был один просчет: сделать это в царской России было невозможно. Прежде всего полицейский произвол, запрещающий все лучшее, все революционное. А главное, даже исключив из своего театра жадный «хозяйский карман», немисливо было устранить власть денег. Театр жил, работал и требовал денег. Каждый сезон (а их было неполных пять!) заканчивался с громадным убытком. Вера Федоровна, не зная отдыха, отправлялась в утомительные, изнурявшие ее гастрольные поездки по провинции — за новыми средствами для покрытия долгов и обеспечения предстоящего сезона.

Заброшенная однажды гастролью на далекую окраину, Вера Федоровна заразилась оспой. Надорванный организм оказался бессильным перед болезнью.

10 февраля 1910 года Комиссаржевская скончалась в Ташкенте.

Пожалуй, из всех известных русских актрис она имела самый короткий актерский век — всего 18 лет. Но проникновенной человечностью своих созданий и глубоким трагизмом актерской судьбы она вошла навсегда в благодарную память русского театра.

Призвание

В палату неслышно вошла санитарка и положила на тумбочку пачку писем.

— В прошлом году у нас здесь одна артистка лежала... Писем ей тоже шло... Уйма! Может, вы в кино снимались? — спросила санитарка.

Мария Семеновна открывает глаза:

— Нет, я не артистка, я повар!

— Повар? — удивленно переспрашивает санитарка. — Да!

Мария Семеновна берет письмо за письмом. От знакомых и незнакомых. От тех, кто обедал в ее столовой. Кого знала по имени, а кого помнила в лицо.

«Вы очень нам нужны...», «Ждем не дождемся...», «Готовлю для вас подарок: разучиваю вашу любимую «Лунную сонату», «Ни минуты не сомневаюсь, что все будет хорошо».

Листочки писем дрожат и теплеют в пальцах.

— Позовите, пожалуйста, доктора! — просит Мария Семеновна. — Скажите, что я готова к операции.

...Какое счастье возвращаться домой!

— Уж не сон ли это? — Мария Семеновна глядит в окно. Нет! Она снова в Армавире... Друзья, работа!

— Мария Семеновна, хмурится шеф-повар Иван Федорович Аверков, — вы что, серьезно думаете перейти в новую столовую? Куда ж вам из больницы да на такое дело!

— Это решено, Иван Федорович... Здесь все налажено, а там одна молодежь, — решительно говорит она и уже мягче добавляет: — А вы переходите-ка со мной?

— Я?! Гм... — озадаченно хмурится шеф-повар.

— Будем учить молодых! Кто ж их, кроме нас с вами, научит, а?

— Увидим, — ворчит он. Но Мария Семеновна видит: согласен.

...Новой столовой, что на улице Кирова, всего год, а уже любят и знают ее студенты машиностроительного техникума, рабочие «Главнефтебита», мотористки швейной фабрики. Где еще вы найдете такие пышные булочки? А морковь в сметанном креме, а свекольники? Еще бы! Там же

знаете, кто заведует производством? Мария Семеновна Арутюнянц!

— Мы обедаем у Марии Семеновны... — говорят рабочие.

...На кухне возле чанов-котлов ходят девчата, недавние выпускницы кулинарных школ.

Как-то вскоре после открытия столовой с одной из них произошел такой случай.

Гая Бычкова кончила работу и сложила второе в кастрюлю. Зашумела вода в душевой.

— Гая, — раздается звонкий голос Марии Семеновны, — иди сюда!

— Я моюсь, Мария Семеновна!

— Иди скорей!

Гая торопливо застегивает белый халат и вихрем выносится из душа.

— Что ты наделала? Погляди!

— А что такое? — моргает девушка мокрыми ресницами.

— Аня Тебенкова завтра придет, в чем суп будет варить? А ну-ка освободи кастрюлю, убери второе как следует!

Теперь об этом здесь вспоминают с улыбкой.

— С тех пор у нас и пошло: «Убирай свое рабочее место! А то Мария Семеновна из душа вынет! И душу вынет!» — шутит Рая Макарова.

— Рае-то нечего опасаться. Она свою душу в запеканку вложила, — подхватывает Мария Семеновна.

В самом деле, запеканку, которую готовит Рая, в один голос хвалят все посетители столовой.

Вдруг Мария Семеновна поворачивает голову:

— Молоко!

— Молоко подгорело! — Аня Арутюнова кидается к котлу.

— Ты сбрызнула днище водой?

— Нет, забыла, — прячет Аня черные глаза.

— А что ты хмуришься, Маша? — встревоженно спрашивает Мария Семеновна одну из подавальщиц. — Ты же в зале работаешь! Люди подумают, что ты на них сердиться.

— Всю ночь не спала, не могу прямо, — закусывает

губы Маша Горбач, — малыш у бабушки в деревне: что с ним, как? Сердце не на месте!

— Ах, вон что. Завтра поезжай к нему, Зина тебя подменит. А как только будет место в яслях, первое — тебе.

Глаза Маши теплеют...

— Погляди-ка, что это там женщина ничего не ест? Что с ней?

— Не нравится? — подходит к женщине Маша.

Женщина поднимает голову. Глаза у Маши голубые, смотрят с участием...

— Принести вам воды?

— Нет! Спасибо! — И плечи вдруг сотрясаются от плача. — Врач велел ехать лечиться, а путевку все только обещают... В фабкоме пороги пообивала...

Диетсестра Елена Кравченко незаметно заглядывает в журнал: «Работница швейной фабрики... Язва желудка...» И она ставит крупную галочку.

Да, у них обедают не только здоровые люди, но и те, кто нуждается в диете и лечении.

Диетсестра идет на швейную фабрику, разговаривает с директором Любовью Гавриловной Жуковой. И уходит оттуда лишь после того, как слышит: «Дадим ей путевку в Ессентуки. Обязательно. Обещают».

Елене Кравченко надо еще побывать на молочном заводе.

Вот она стоит в цехе этого завода и растерянно глядит на рабочих: никогда не говорила на таком многолюдном собрании. Она пытается сосредоточиться, вспоминает гневные глаза Марии Семеновны: «Что за творог они нам присылают! От этой кислоты и здоровый заболел! Скажите вы им хорошенько!»

— Только от работы отрывают, — гудит недовольный голос. — Творог кислый, подумаешь!

— Подсыпали бы песочку. Всего и делов! — смеется кто-то.

Елена бледнеет:

— Как это песочку? Разве химический состав изменится? Как же вы не знаете, что такое творог! Творог предохраняет от склероза, творог — для построения клеток, творог — для печени, облегчает работу серд-

М. С. Арутюнянц.

ца... Ваши же товарищи у нас обедают...

...Под деревьями городского парка не смолкает шумный говор армавирцев. Здесь выставка кулинарного искусства.

— Что это такое? — спрашивает молоденькая женщина, с удивлением разглядывая незнакомое кушанье.

— Тоулма! — улыбается Мария Семеновна. — Мясо с рисом, запеченное в виноградных листьях под чесночным соусом с кислым молоком. А это...

— Знаем! Печенье «Школьное», — перебивает ее смуглый мальчишка и закусывает губу, глотая слюнки.

— Хочешь, возьми, — протягивает Мария Семеновна большую, обсыпанную сладкой пудрой лепешку.

— Не-ет... — тянет он, но лукавые глаза говорят совсем другое.

— Бери, бери! Мальчишка высыпает в рот тающие крошки.

Мало кто в городе знает, что Мария Семеновна сама придумала рецепт этого печенья. И куда бы она ни поехала, отовсюду привезет армавирцам новые кушанья: хенкал — из Теберды, харчо — из Цхалтубо, воздушное пирожное «миренги» — из Ленинграда... Да и сама постоянно изобретает что-нибудь новенькое... Чтобы было как дома! Даже лучше, вкусней, дешевле. Чтобы ходили в столовую семьями, поправлялись себе на здоровье. Вот заботы работников столовой, где заведует производством Мария Семеновна Арутюнянц.

Н. КУТУЗОВА

г. Армавир, Краснодарский край.

ЧЬЕ ЭТО ДЕЛО?

Кто должен вести счет деньгам в семье: муж или жена? Раньше я был убежден, что все мужья отдают заработок своим женам, как это заведено в нашей семье. Ведь жена лучше видит и знает, что необходимо приобрести для хозяйства, для семьи, на чем сэкономить. Но вот я столкнулся с совсем другой точкой зрения: не за чем, дескать, баловать жен деньгами, семейный бюджет должен быть в руках мужа.

Я не раз слышал (и даже от женщин) похвалы в адрес моего соседа Василия С.: «Вот мужчина так мужчина: каждой копейке счет знает...»

Казалось бы, разве плохо, что муж не сорит деньгами, а расходует их строго по назначению? И Василий С. именно такой. Но он распоряжается бюджетом семьи единолично и ни рубля не доверяет никому, все носит в своем кошельке. Удобно ли это? Для него — да. Он даже гордится, что без его согласия и разрешения в доме ничего не покупается. А удобно ли это для жены? Я уже не говорю о чисто практическом неудобстве, когда у женщины нет под рукой денег для непредвиденной, но очень нужной покупки. А как должна чувствовать себя хозяйка семьи, мать, на которой лежат все заботы по дому, если она без ведома мужа не может пойти в магазин, на рынок, купить ситчику на платье дочке? Выходит, что каждое утро она должна получать от мужа точные указания, что купить, и отсчитанную до копейки сумму денег. Зачем же ставить жену — самого близкого своего друга — в такое униженное, зависимое положение? Ведь крупную вещь, вроде мебели или даже пальто, жена и сама не решится купить одна, обязательно с мужем посоветуется, а контролировать ее в повседневном, в мелочах просто стыдно и недостойно мужчины.

Если б и Василий С. больше доверял жене, то семья от этого только выиграла бы.

А один случай меня просто поразил. Как-то встретил я в магазине своего знакомого Виктора В. с женой. Они примеряли детям костюмчики. Когда

подошло время расчета, муж обратился к жене:

— Давай на костюм дочери, а за сына я сам заплачу.

И жена подала мужу деньги. Тот, не моргнув глазом, пересчитал их, отдал жене 20 копеек сдачи и пошел к кассе. Я заинтересовался у Виктора, что за расчеты у них с женой.

— Согласно конституции, — ответил он полусерьезно, — у нас оплата по труду. Я на свои деньги содержание сына, а жена — дочь. На питание я, конечно, выделяю некоторую сумму. И для детей это хорошо. Дочь с детства привыкает к экономии, мать ее не балует подарками, поскольку зарплата у нее небольшая. А сын уже сейчас поговаривает, что мужчина должен хорошо зарабатывать, быть самостоятельным и не зависеть от жены.

Отец самодовольно улыбнулся. Потом хлопнул мальчугана по плечу и сказал властным тоном:

— Пойдем, Василий, я тебе еще велосипед куплю.

— Папа, и мне купи куклу и букварь, — попросила дочка.

Отец деловито пояснил ей:

— Это ты к маме обращайся: ты же на ее обеспечении находишься.

Мать прижала к себе дочь и, ласково поглажив ее по голове, сказала:

— В следующую полочку куплю тебе и куклу и букварь.

А сейчас она уже ничего не могла подарить дочери, кроме ласки.

Как все нелепо! И на воспитании детей это сказывается не благотворно, как считает отец, а пагубно. Деньги здесь разжигают вражду между отцом и матерью, между дочерью и сыном. С малых лет брат уже смотрит на сестру с превосходством. Он слушается только отца, любит только отца и толь-

ко за деньги. И вообще, разве это семья, если в ней живут на два лагеря?

Плохо, если на глазах у ребят мать и отец ведут бесконечные ссоры и разговоры о деньгах, ссорятся и упрекают друг друга то в мотовстве, то в «непрактичности», то еще в каких-то грехах, — они сеют в детях семена жадности, скопидомства. Я наблюдал одну такую семью.

«Глава» семьи Максим С. всю свою небольшую жизнь посвятил, образно выражаясь, «наращиванию капитала». Он вербовался и уезжал из дома один за «длинными рублями». Объекты выбирал подале, чтобы получать командировочные. А семье посылал не больше 15 рублей в месяц. Прожить на эту сумму женщине с двумя детьми было совсем не легко.

Пятилетний сынишка С. не раз видел слезы на глазах у матери, а когда приезжал отец, слышал ссоры — и все из-за денег. Кто знает, не вырастет ли и сын скопидомом и стяжателем, как отец? И будет ли он уважать отца?

Конечно, таких мужчин, о которых я рассказывал, немного, но они есть.

Нет, я не за то, чтобы, передав деньги жене, сложить с себя все полномочия. Все нужно делать сообща. Нет ничего зорного, если муж постоит в очереди в магазине или сбегает на базар.

Помогать мы, конечно, должны. Но хозяйка в доме все-таки жена. Вот ей, как говорят, и карты в руки.

А как думаете вы, товарищи читатели?

Г. ИВАНОВ,
мастер
производственного
обучения ГПТУ № 19

г. Татарск,
Новосибирской области.

«Звездочка»

Есть в юном городе Подмосковья Дубна детский клуб «Звездочка». Около трехсот ребятшек дошкольного и младшего школьного возраста приходят сюда, чтобы поиграть, посмотреть книжку, заняться интересным делом в кружке. Любят малыши и свой кукольный театр. Они шьют кукол, готовят спектакли, а потом выступают на детских площадках города. Раз в неделю в большой комнате клуба ребята смотрят диафильмы.

Гордость клуба — библиотека. Здесь свыше четырех тысяч книг. Книжки выдают сами дети. Создан библиотечный совет.

Летом ребята выезжают на экскурсии. Они не раз уже были в Москве, посетили Кремль, Музей В. И. Ленина, гуляли в Парке культуры имени Горького. Много интересного увидели они на ВДНХ и в зоопарке.

Клуб «Звездочка» существует шестой год. Его организовали супруги-пенсионеры Алексей Константинович Боровский и Евгения Николаевна Янович. Им помо-

гают многие пенсионеры и старшие школьники. Любят свой клуб малыши. Довольны их родители.

г. Дубна.

В. ХРУСТАЛЕВ

На снимке: Евгения Николаевна Янович среди ребят.

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ

В апрельском номере журнала «Работница» за 1963 год было напечатано письмо учащихся строительного техникума города Мельника (Чехословакия). Молодежь города задалась целью разыскать бывших бойцов русско-чешской партизанской бригады, действовавшей в том районе. Имена многих из них известны, но след их потерян. Авторы письма выражали надежду, что кто-нибудь откликнется.

И они не ошиблись. Первой подала о себе весть бывшая радистка штаба бригады Валентина Ивановна Козелкова (ныне Горохова). Она сама пришла в редакцию. Вслед за ней объявились и другие участники партизанской борьбы: командир бригады П. А. Канищев, начальник штаба бригады А. С. Яценко, член штаба В. С. Корецкая.

Недавно в ознаменование 20-й годовщины народного восстания в Словакии правительство республики наградило их медалями. Товарищи Горохова, Канищев, Яценко, Корецкая через «Работницу» передают горячий привет чехословацким друзьям и соратникам по совместной борьбе против гитлеровских захватчиков.

А ДЕТИ-ТО РАЗНЫЕ

А. ФОНАРЕВ,

старший научный сотрудник Института педиатрии АМН СССР

«У нас трое детей. Старший — жизнерадостный, спокойный мальчик. Двое младших — близнецы, учатся в пятом классе. Один тихий, робкий и такой послушный, что иногда, поверите, даже жалость берет. Зато другой — забияка, каких и свет не видел. Все от него плачут: и дома и в школе. Без ремня с ним и разговора не бывает. Как же это понять? Вы пишете, что все зависит от воспитания. Плохих, мол, детей не бывает — бывают плохие воспитатели. Но в данном случае дети живут в одинаковых условиях, в одной семье, одинаково воспитываются. А в итоге все разные. Поневоле начинаешь думать, что это у них в крови». С таким вопросом обратилась в редакцию одна из читательниц.

Действительно, нельзя не задуматься, наблюдая детей из одной семьи с поразительно несхожими, даже противоположными характерами, интересами, поведением. Что же является решающим: воспитание или, как писала читательница, то, что «у них в крови», то есть врожденные свойства? А ведь такие врожденные особенности существуют. Их никто не отрицает. Напротив, недооценка этих особенностей как раз и является главной причиной того, что при одинаковом, добросовестном воспитании вырастают и «хорошие» и «плохие» дети.

Представим себе неопытного цветовода, который, желая получить наилучшие цветы, обильно подкармливает, поливает и всячески ухаживает за всеми растениями. Каково же будет его разочарование и удивление, когда однажды он найдет многих своих питомцев в плачевном состоянии: ведь он одинаково ухаживал за всеми растениями. И только впоследствии он узнает, что одни растения любят обильную влагу, другие предпочитают жить на «умеренном пайке», третьи прячутся в тени и признают только вечернее солнце, а четвертые не терпят одиночества и хорошо растут только бок о бок с сородичами.

Нечто подобное происходит и с некоторыми родителями, которые считают, что ко всем детям можно подходить с

одной меркой, воспитывая их по какому-то однажды выбранному трафарету.

Мы отлично знаем, что ребенок приходит в мир «не с пустыми руками». Он наделен от природы такими инстинктами, которые свойственны всем людям и которые передаются из поколения в поколение. Это естественно, так как в инстинктах зафиксирован многовековой, жизненно важный для потомства опыт предков.

Но наряду с этим природа стремится к разнообразию и щедро расточает краски, чтобы создавать оригинальные, редко повторяющиеся образцы. Возьмите, например, черты лица человека, особенности его фигуры, тембр голоса, форму рук. Все это врожденные особенности, которые отличают одного ребенка от другого, очерчивают его индивидуальность.

Еще более важными являются особенности мозга ребенка, особенности его нервной деятельности.

Мозг человека — это сложнейший живой механизм. Более 14 миллиардов нервных клеток неотступно и зорко следят за тем, что происходит в организме и в окружающей его среде. Сточная и математически точная обработка поступающей информации позволяет мозгу управлять поведением человека. И хотя функции мозга у всех людей одинаковы, они протекают по-разному. Изучение этих особенностей: соотношения возбуждательных и тормозных процессов, быстроты их течения, их силы — позволило выделить четыре основных типа нервной деятельности, четыре темперамента, которые присущи людям от рождения. Впоследствии под влиянием окружающей среды темпераменты могут видоизменяться, но в раннем детстве они отчетливо проявляются в поведении ребенка и должны обязательно учитываться родителями, воспитателями.

Вспоминается один нелегкий разговор с отцом мальчика, убежавшего из дому.

...Игорь рос бодрым, неудержимо резвым ребенком. Отец помнил, что его воспитывали в строгости, и автоматически перенес этот метод на своего ребенка. Но мальчик рано начал обнару-

живать непреклонную настойчивость. Невозможно было, например, запретить ему носиться по комнате. Получая шлепок, Игорь на мгновение успокаивался, а затем снова, обуреваемый желаниями, находил для себя какое-нибудь развлечение. У мальчика отбирали обувь и усаживали в кровать. Это не обескураживало малыша. Он с восторгом кувырчался на постели, разбрасывая подушки, простыни, одеяло. Единственное, чего ребенок не мог перенести, что переживал сильнее любых побоев, — стояние в углу. Отцу казалось, что он нашел действенное средство наказания, и прибегал к нему всякий раз, когда представлялся «подходящий» случай.

Система запретов сохранилась и тогда, когда мальчик стал подростком. В качестве наказания за «самовольство» ему запрещали ходить с товарищами в лес, на речку, посещать кино. А однажды, когда Игорь собрался с товарищами в двухдневный поход, отец запер его в квартире. Игорь спустился с четвертого этажа по трубе и совсем уехал из города. Он бежал из дому, бежал, движимый неуемным темпераментом и неиссякаемой фантазией.

Судя по рассказу, мальчик обладал **сильно возбудимым** типом нервной деятельности (холерический темперамент). Дети с таким темпераментом обычно боевые, зазорные, быстро и легко возбуждающиеся. Они очень подвижны и эмоциональны, им бывает трудно подавлять свои желания, отказываться от намеченных действий. И когда активности таких детей стараются сдерживать постоянными запретами, возникают непримиримые противоречия между естественными потребностями малыша, обусловленными особенностями его нервной системы, и представлениями родителей о том, как должен вести себя «хороший» ребенок. Детям с таким темпераментом особенно необходимы значительные физические нагрузки (если, конечно, этому не препятствует слабое здоровье), подвижные игры, занятия спортом, где они могли бы расходовать свою недюжинную энергию и тем самым становиться более уравновешенными и спокойными.

Такие дети, хотя они и легко возбуждаются, без особой психической травмы переносят словесные наказания, внушения. Но лишение свободы («стань в угол», «никуда не пойдешь») переживают как пытку.

Дети с сильным, уравновешенным типом нервной деятельности (сангвинический темперамент) менее подвижны. Но, как правило, это жизнерадостные, бодрые, редко унывающие, энергичные и неутомимые труженики. Они быстро и охотно увлекаются спортивными занятиями, достаточно усидчивы и легко преодолевают трудности. Дети с сангвиническим темпераментом без плача и эмоциональных срывов переносят наказания и обычно доставляют родителям не много хлопот.

Еще более спокойны дети, у которых преобладает сдержанная, иногда отчетливо выраженная внешняя заторможенность поведения. Это дети с флегматическим темпераментом. Они усидчивы, очень трудоспособны, но крайне медлительны; легко распознаются в среде детей своим спокойствием, основательностью, «солидностью». Таких детей иногда приходится побуждать к активности, развивать у них интерес к различным занятиям. Но зато привычки, которые вырабатываются у таких детей, приобретают в конце концов исключительную прочность и сохраняются на долгие годы. Именно поэтому их режим, привычки, привязанности должны быть основательно продуманы родителями. Перевоспитание детей с флегматическим темпераментом — трудное занятие для родителей и нелегкое для ребят. Очень полезны таким детям физические упражнения, так как ими возмещается недостаточная природная подвижность.

Дети слабого типа нервной деятельности (меланхолический темперамент) нуждаются в особо вдумчивом и осторожном отношении. Повышенная возбудимость, раздражительность, иногда плаксивость, высокая чувствительность еще более усугубляются при неправильном воспитании и могут привести к возникновению неврозов. Дети этого типа часто инертны, отличаются робостью, стеснительностью, неспособностью выдерживать более или менее сильные нервные напряжения. Их надо больше включать в коллективные детские игры, поддерживать и поощрять малейшую попытку проявить инициативу, самостоятельность. Гимнастические занятия, водные процедуры необходимы таким детям как закалывающее оздоровительное средство, укрепляющее нервную систему, повышающее жизненный тонус.

Разумеется, такую же роль выполняют физические упражнения и в отношении детей, обладающих другими темпераментами, но дети слабого типа труднее усваивают точный распорядок жизни, стараются избегать обязанностей, которые кажутся им обременительными. Правильный подход, обоснованные и продуманные меры воспитания дают и в этих случаях положительные результаты.

Учитывать особенности нервной системы ребенка и находить наилучшие варианты воспитательных приемов — дело сложное, требующее сердечной чуткости и размышлений. Но задача воспитания оправдывает любые усилия.

Отвечаем читателям

Согласно приказу или согласно приказа? Благодаря высокому заработкам или благодаря высоким заработков? Вопреки утверждению или вопреки утверждению? Соответственно постановления или соответственно постановлению? Такие вопросы задают редакция Р. Блюх из г. Перми, А. Иванова из г. Свердловска, группа экономистов Одесского автосборочного завода, группа сотрудников маркбюро шахты № 21 треста «Краснолучуголь», Луганской области, Л. Нелича из г. Кривого Рога, Е. Жукова из г. Харькова и многие другие.

Увы, не случайно столько людей спрашивают об этом. Еще встречаются официальные документы, в которых черным по белому отстукано на машинке: «согласно Вашего указания», или «вопреки решения», или еще что-нибудь в этом роде.

Между тем нормы современного литературного языка категорически утверждают: предлоги согласно, вопреки, благодаря, соответственно употребляются только с дателным падежом существительных: кому-чему (согласно приказу, благодаря заработкам, вопреки решению, соответственно указанию).

Склоняются ли нерусские фамилии — Ковтун, Деменюк, Рубан, Федорчук и им подобные? Какие вообще существуют правила склонения фамилий? Об этом просят рассказать тт. Местерман из г. Арциза, Одесской области, Г. Шиботова из г. Куй-

бышева, В. Костюк из г. Николаева, М. Петров из г. Лебедина, И. Седенкова из г. Рустави, В. Сурин из г. Белорецка и другие.

Мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный звук и на ь, склоняются, женские — не склоняются. Например: у токаря Ковтуна, гражданину Черноногу, с врачом Деменюком, к студенту Рубану, об инженере Бондаре и т. п. Склоняются также славянские фамилии (мужские и женские) на -а(-я): у товарища Коляды, к профессору Тесле, бегство Мазепы, машинистку Бегму.

Не склоняются: иностранные фамилии, оканчивающиеся на гласный звук (кроме неудаваемых -а, (-я): музыка Бизе, у кардинала Мазарини, произведения Дюма, песни Беранже. Но: стихи Неруды, выступление Гизенги и др.;

уральские и сибирские фамилии типа Черных, Молодых, Красных;

украинские фамилии с окончанием на -ко (в произведениях русских классиков они обычно склоняются).

А. Петрушенко из Одесской области, Л. Громова из с. Любимовки, Курской области, и другие читатели нашего журнала интересуются тем, какая форма более правильна: в отпуске или в отпуску?

Формы эти почти равноправны в современном русском языке. Официальный, деловой язык требует в данном случае окончания е: «Сотрудники находятся в отпуске...» В разговорной речи одинаково допустимы оба варианта: в отпуске и в отпуску.

Почему мы так говорим

«Жив курилка!»

Откуда пошло выражение «Жив курилка»? С таким вопросом обратилась к нам киевская читательница журнала Г. М. Дубровская.

Владимир Даль в своем «Толковом слове живого великорусского языка» описывает русскую народную игру «в курилку». Зажженную лучинку передают по кругу из рук в руки, приговаривая: «Жив, жив курилка, жив, жив, не умер». Передавать надо осторожно, бережно, чтобы лучинка не погасла. Тот, у кого она погаснет, выбывает из игры.

«Жив курилка» говорят о человеке, чья деятельность, казалось бы, должна была прекратиться, но все еще продолжается. В литературе одним из первых употребил это народное выражение А. С. Пушкин. «Как! Жив еще Курилка-журналист?» — так начинается эпиграмма великого поэта на критика Каченовского. В конце эпиграммы Пушкин советует «плунуть» на Курилку, чтобы погасить его, как гасят «воночную лучинку».

В. Маяковский, высмеивая лозунг «Да

здравствует Учредительное собрание!», писал в своей «Советской азбуке»:

У «правых» лозунг «учредилка». Ужели жив еще курилка?

Совсем по-иному звучит эта поговорка в поэме В. Луговского «Город сна». Поэт говорит о невероятных трудностях, которые переживали советские люди во время войны. Недосыпая, недоедая, неустанно трудясь, наши люди выжили и победили:

Скажите, кто не слышал о курилке — Лучинке тлеющей? Об огоньке Бессмертном, маленьком, который люди, Играючи, передают друг другу?

Образ «бессмертного курилки» проходит далее через всю поэму:

А все-таки, как прежде, жив курилка, Жив человек, его не одолеешь Ни холодом, ни голодом, ни смертью...

Так по-разному используют мастера слова одну и ту же поговорку.

А. КАЛИНИН

Отдел ведет доктор филологических наук профессор А. И. ЕФИМОВ

ЧТО ЧЕРЕСЧУР, ТО ПЛОХО

...Мне хотелось бы высказать свое мнение по поводу культивируемых у нас всевозможных женских украшений, как-то: колец, брошек, перстней, браслетов, кулонов, сережек и множества других побрякушек, которыми так щедро «украшают» себя еще многие наши девушки и женщины. По мнению автора статьи «Брошки на вес», опубликованной в № 4 журнала «Работница» за этот год, все эти побрякушки, хорошо выполненные, могут воспитывать правильное понимание красоты, благородства и изящества. Но, развивая эту мысль, можно договориться до того, что чем больше женщина навешает на себя всевозможных брошек и чем они дороже и красивее, тем более красивой и изящной становится женщина. Так ли это?

Посмотрите, кто из женщин увлекается украшательством. Во всяком случае, среди по-настоящему культурных людей таковых не найдется. Украшением женщины, как мы привыкли теперь понимать, является ее культура, скромность, чистота, женственность. И если этих качеств нет, то никакие брошки, как бы дороги и красивы они ни были, не восполнят их...

г. Вырица,
Ленинградская область.

Валентина Ерофеевна КУЛИШ

Уважаемая Валентина Ерофеевна! Нельзя не согласиться с вами, что моральные достоинства — главное украшение женщины. Но нужно ли так категорически отрицать заботу о внешней привлекательности, считать предосудительной любовь к кольцам, браслетам, бусам? Думается, нет.

Чувство прекрасного свойственно человеку. Еще в самые отдаленные времена оно вырабатывалось под влиянием природы. Свет солнца, краски вечерней зари, красота цветов, блеск кристаллов — все это было (да и осталось) для человека источником радости. Осознавая красоту, учась у природы, человек становился творцом, создавал произведения искусства. Народная память бережно хранит легенды и сказки о мастерах-умельцах, создававших прекрасные украшения: ожерелья, перстни, броши. А какими узорами расписывали и расшивали они атлас и парчу!

Другое дело, что носить украшения, созданные трудовыми руками, могли лишь немногие — люди из привилегированных классов. Украшения были признаком богатства и знатности. Буржуа надевал на свою жену ценности, потому что она была «вывеской» его благосостояния.

Быть может, это и породило презрение и непримиримость ко всяким украшениям в первые годы Советской власти. В период военного коммунизма внешняя сторона буржуазного быта, особенно то, что носило печать роскоши, не только отрицалась, но вызывала гневное осуждение. Даже мужской галстук был изгнан из предметов туалета; ни одна девушка-комсомолка не считала возможным завивать волосы; детям не завязывали банты, а уж об иных украшениях и речи не могло быть: их относили к буржуазным пережиткам. Вы, наверно, знаете, какое тогда было трудное время! В обстановке блокады и голода действительно было не до украшений.

С тех пор неизмеримо выросло благосостояние нашего народа. Иным стал наш быт. Изменился и взгляд на украшения.

В современном костюме украшения играют уже новую роль. Они потеряли значение ценностей, а органически свя-

заны со всем костюмом. Для украшения используют простые дешевые материалы: стекло, дерево, керамику, кожу. Нельзя отделять серьги, броши, бусы от всей одежды. Если быть последовательными, то украшениями являются и рисунки на тканях и их выработка. И даже выбранный вами фасон платья. А ведь никто не восстает против таких украшений, как воротничок, жабо, плиссе, пуговицы и т. д. Наоборот, мы заботимся о разнообразии фасонов, тканей и отделки. Сегодняшний костюм отличается простотой форм и линий. Только тогда человек производит впечатление хорошо одетого, когда детали его одежды сочетаются между собой и гармонируют с его внешностью. Вот здесь-то украшения оказывают нам неоценимую услугу. Они дополняют костюм красками, делают его то элегантно строгим, то нарядным, праздничным. Обратите внимание, как выигрышно смотрится коричневый костюм с янтарной или золотисто-бронзовой брошью, с керамической заколкой терракотового цвета. С синими, голубыми, зелеными,

фиолетовыми (холодными) тонами красиво сочетаются контрастные цвета: ярко-синий и желтый или золотистый, синий и красный, зеленый и некоторые оттенки коричневого, голубой и абрикосовый. Хорошо сочетаются модные сейчас сложные тона: горчичные разных оттенков, грязно-зелено-синие, сине-серо-лиловые, бежевые и табачно-зеленые.

Нитка бус, подобранная со вкусом, может зрительно изменить овал лица — удлинить слишком круглое, придать более совершенную форму продолговатому. Жемчужные бусы молочного или розоватого цвета скрасят бледную кожу. Украшения можно всегда менять, подбирать по вкусу и настроению, создавая с их помощью несколько вариантов одного платья.

Женщине приятно надеть бусы, кольцо, серьги или браслет. И напрасно вы хотите лишить ее такой возможности, считая это признаком бескультуры.

Можно не любить украшения. Но нельзя отрицать за другими право носить их.

Но украшения могут оказать и медвежью услугу женщине. Вы правы, Валентина Ерофеевна, когда пишете о «модницах», стремящихся нацепить на себя множество аляповатых украшений, никак не связанных с костюмом. В этом пристрастии к мишуре сказывается неопытность человека, недостаточно критический взгляд на себя, плохой вкус.

«Что чересчур, то плохо», — гласит народная мудрость. Не восставать против украшений, а воспитывать чувство меры, художественное чутье, хороший вкус — вот что нужно сегодня.

М. МЕРЦАЛОВА,
искусствовед

По следам наших выступлений

«Заводы одинаковые — порядки разные»

В № 8 «Работницы» под таким заголовком была опубликована статья, в которой шла речь о плохих условиях труда рабочих на Резекненском заводе строительных материалов.

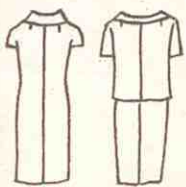
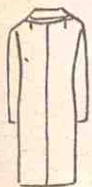
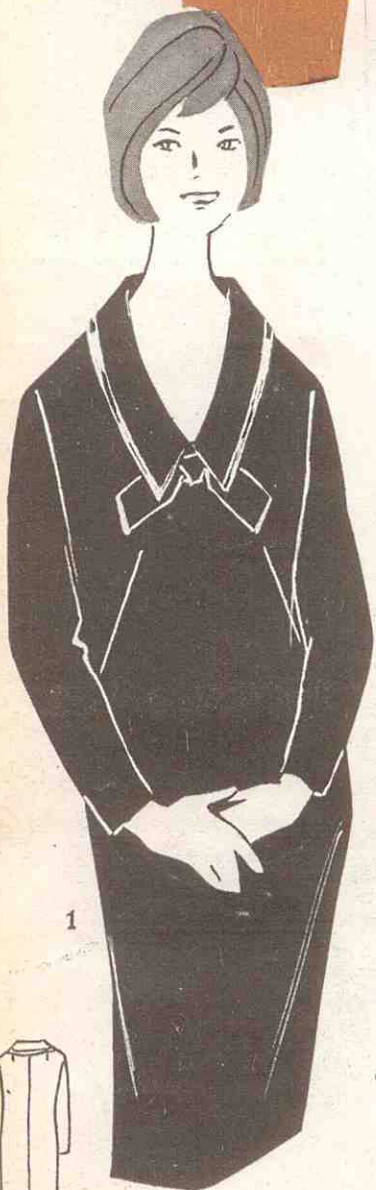
Нам ответили:

Управление промышленности строительных материалов Латвийского совнархоза [тов. Болотов].

Критика в адрес руководства завода признана правильной. На заводе разработаны и осуществляются мероприятия, которые обеспечат нормальные условия труда рабочих. Цех силикатного кирпича работает уже по новому графику — с двумя выходными днями в неделю. Неисправные поворотные круги заменены новыми, установлена вентиляция.

Резекненский горком партии [тов. Сорокин].

Статья обсуждалась на открытом партийном собрании завода. За допущенные недостатки директору завода тов. Апрельеву сделано предупреждение. Намечены меры повышения культуры производства. Партийное собрание обязало администрацию предприятия и профсоюзную организацию повседневно заниматься улучшением условий труда рабочих.

Цена номера 10 копеек
Индекс 70770